

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»

Обучающийся

К.А. Нуриева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования. Российское уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, формально соответствующее международным гуманистическим стандартам, на практике сталкивается с комплексом системных противоречий и трудностей. Несмотря на наличие специальной главы 50 УПК РФ, правоприменитель регулярно сталкивается с коллизиями между формальным соблюдением процедуры и реальным обеспечением особого охранительного режима для несовершеннолетних. Выявление, анализ и поиск путей решения проблем производства по данной категории дел имеет не только теоретическое, но и высокое практическое значение для формирования сбалансированной и действенной модели правосудия, ориентированной на интересы несовершеннолетнего.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Предмет исследования – проблемы теории и практики, связанные с реализацией особого порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации.

Цель исследования – комплексный критический анализ действующего порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, направленный на выявление ключевых проблемных узлов на различных стадиях процесса и формулирование предложений по их разрешению.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы и международные стандарты производства по делам несовершеннолетних.....	8
1.1 Генезис и эволюция правового регулирования по делам несовершеннолетних в России	8
1.2 Международно-правовые стандарты и принципы ювенальной юстиции как основа национального регулирования	18
1.3 Особенности правового статуса несовершеннолетнего как субъекта уголовного процесса	24
Глава 2 Особенности процессуального порядка на различных стадиях производства по делам несовершеннолетних.....	29
2.1 Досудебное производство: гарантии прав несовершеннолетнего на этапе предварительного расследования	29
2.2 Участие законных представителей, педагога и психолога как специфическая гарантия прав несовершеннолетнего	39
2.3 Особенности судебного разбирательства и постановления итогового решения.....	49
Глава 3 Актуальные проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации	58
3.1 Проблемы на стадии предварительного расследования.....	58
3.2 Проблемы на стадии судебного разбирательства и постановлении приговора	64
Заключение	69
Список используемой литературы и используемых источников	73

Введение

Актуальность темы исследования. Вопросы уголовной ответственности и судопроизводства в отношении несовершеннолетних всегда находились в центре внимания государства и общества, являясь индикатором гуманизации уголовной политики. Несовершеннолетние, в силу возрастных особенностей (психофизической, социальной и нравственной незрелости), представляют особую категорию участников уголовного процесса, требующую специальных правовых гарантий и охранительного подхода.

Российское уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, формально соответствующее международным гуманистическим стандартам (Пекинские правила, Эр-Риядские руководящие принципы), на практике сталкивается с комплексом системных противоречий и трудностей. Актуальность изучения проблем в данной сфере обусловлена их прямым влиянием на эффективность правосудия, защиту фундаментальных прав ребенка и достижение целей восстановительного, а не карательного подхода. Несмотря на наличие специальной главы 50 УПК РФ, правоприменитель регулярно сталкивается с коллизиями между формальным соблюдением процедуры и реальным обеспечением особого охранительного режима для несовершеннолетних. Рост числа тяжких преступлений, совершаемых подростками, публичная дискуссия о необходимости ужесточения ответственности, с одной стороны, и требования гуманизации, внедрения ювенальных технологий – с другой, создают напряженное поле для законодателя и правоприменителя.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов: во-первых, сохраняющимся уровнем подростковой преступности, в структуре которой отмечается рост тяжких и групповых деяний; во-вторых, необходимостью безусловного соблюдения международно-правовых стандартов правосудия в отношении детей (Минимальные стандартные правила ООН, известные как «Пекинские правила», Руководящие принципы ООН для предупреждения

преступности среди несовершеннолетних; в-третьих, наличием существенных проблем в правоприменительной практике, связанных с формальным применением специальных норм, недостатками в деятельности органов предварительного расследования и суда.

Таким образом, выявление, анализ и поиск путей решения проблем производства по данной категории дел имеет не только теоретическое, но и высокое практическое значение для формирования сбалансированной и действенной модели правосудия, ориентированной на интересы ребенка. Исследование процессуальных особенностей производства по делам несовершеннолетних и выявление путей его оптимизации имеет важное теоретическое и практическое значение для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, и достижения целей восстановительного правосудия.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Предмет исследования – проблемы теории и практики, связанные с реализацией особого порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации.

Цель исследования – комплексный критический анализ действующего порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, направленный на выявление ключевых проблемных узлов на различных стадиях процесса и формулирование предложений по их разрешению.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

- изучить исторические предпосылки и международно-правовые основы формирования особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних;
- проанализировать систему специальных процессуальных гарантий и прав несовершеннолетнего, обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе;

- рассмотреть особенности стадий предварительного расследования и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних (предмет доказывания, порядок задержания, избрания меры пресечения, участие законных представителей, педагога, психолога и другое);
- исследовать проблемы, возникающие на стадии предварительного расследования: формализм при установлении возраста и условий жизни; трудности обеспечения участия защитника, законного представителя, педагога/психолога с момента первого контакта; злоупотребление процедурой задержания и избрания меры пресечения.
- изучить проблемы судебного разбирательства: эффективность участия специалистов, сложности доказывания «воздействия старших», формальный подход к рассмотрению ходатайств о применении принудительных мер воспитательного воздействия;
- проанализировать системные проблемы, включая недостаточность восстановительных технологий (медиации), межведомственную разобщенность органов системы профилактики, низкую эффективность постпенитенциарного сопровождения;
- на основе изученной практики и сравнительно-правового анализа сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Степень научной разработки темы. Теоретической основой исследования послужили труды таких отечественных ученых-процессуалистов и криминологов, как А.В. Гриненко, Л.В. Брусницын, Г.Н. Ветрова, Э.Б. Мельникова, Н.Г. Стойко, В.И. Ткачев, А.А. Тушев и других. Проблемы уголовно-правового характера освещены в работах Ю.Е. Пудовочкина, А.П. Фокова. Однако динамика социальных отношений, изменения в законодательстве (например, расширение возможности прекращения дел с применением мер воспитательного воздействия) и накопление новой судебной-следственной практики требуют критического

переосмысления устойчивых проблем и выявления новых вызовов. Настоящее исследование направлено на систематизацию этих проблем на современном этапе.

Нормативная и эмпирическая база исследования. Нормативную основу составили Конституция Российской Федерации [16], международные договоры, Уголовный кодекс РФ [36], разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [27], [28], а также иные нормативные правовые акты [15], [40].

Эмпирическую базу образуют опубликованная практика Верховного Суда РФ, статистические данные, материалы конкретных уголовных дел, доступные в справочных правовых системах, а также результаты социологических исследований, приведенные в научной литературе.

Методологическая основа исследования. В работе применен комплекс методов: формально-логический (анализ норм права), сравнительно-правовой (сопоставление с международными стандартами), системный (рассмотрение производства как единого процесса), статистический (анализ данных судебного департамента), а также метод изучения документов (анализ материалов судебной практики, включая обзоры Верховного Суда РФ).

Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы и международные стандарты производства по делам несовершеннолетних

1.1 Генезис и эволюция правового регулирования по делам несовершеннолетних в России

Формирование современной системы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в России является результатом длительной исторической эволюции, отражающей смену парадигм от карательно-репрессивной к охранительно-воспитательной. Анализ генезиса позволяет выявить преемственность и разрывы в правовом регулировании, понять истоки современных проблем и оценить степень реализации международных стандартов в национальном законодательстве.

Выделяют несколько периодов становления и первый – это дореволюционный период (XIX – начало XX вв.) в котором происходит становление попечительского подхода и судебной специализации.

Правовое регулирование до Судебной реформы 1864 года носило фрагментарный характер. Возраст уголовной ответственности был формально низким (с 7 лет по «Уложению о наказаниях» 1845 г.), но на практике к несовершеннолетним применялись смягчающие обстоятельства. Ключевым этапом стало принятие Закона от 2 июня 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних». Данный акт ввел ряд прогрессивных для своего времени норм:

- специализация судов, так дела о несовершеннолетних 10-17 лет были изъяты из ведения общих судов и переданы в суды особой конструкции (с участием судей-специалистов);
- приоритет воспитательных мер, так закон прямо предписывал судам исследовать условия жизни, воспитания и причины совершения преступления. В качестве основной меры воздействия

предусматривалось отдача под ответственный надзор (родителям, опекунам, благотворительным учреждениям);

- процессуальные гарантии, ограничивалось применение заключения под стражу, вводился упрощенный порядок судопроизводства.

Этот период можно охарактеризовать как зарождение идеи ювенального правосудия в России, основанной на принципах индивидуализации и попечения.

Советский период (1917-1991 гг.) от революционного гуманизма к карательной унификации. После революции 1917 года были предприняты радикальные шаги: декреты 1918 года отменили суды и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет, передав вопросы их воспитания комиссиям по делам несовершеннолетних (КДН). Однако уже в 1930-е годы, на фоне общей репрессивной политики, произошел возврат к уголовной ответственности с 12 лет за тяжкие преступления (Указ от 7 апреля 1935 г.). КДН были лишены судебных функций, превратившись в административные органы профилактики.

Послевоенный период (с 1950-х гг.) ознаменовался некоторой либерализацией: повышение возраста ответственности, развитие института условного осуждения и передачи на поруки. Принятые в 1960 г. УК и УПК РСФСР впервые кодифицировали специальную главу 32 УПК РСФСР «Производство по делам несовершеннолетних», закрепив базовые гарантии (обязательное участие защитника, законного представителя, педагога). Тем не менее, в рамках обвинительной парадигмы советского процесса эти нормы часто носили формальный характер, а целью системы оставалась не столько реабилитация, сколько «перевоспитание» в духе социалистических идеалов.

Современный период (с 1991 г. по н. в.): рецепция международных стандартов и поиск национальной модели. Распад СССР и ратификация Конвенции о правах ребенка (1990) дали импульс для реформ. Ключевым документом стал Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 года, который сохранил и развил специальную главу 50 «Производство по уголовным делам

в отношении несовершеннолетних». В неё были инкорпорированы основные международные принципы:

- расширение предмета доказывания (ст. 421 УПК РФ);
- закрепление приоритета применения принудительных мер воспитательного воздействия (гл. 50 УПК РФ);
- детализация процедурных гарантий.

Важной вехой стала Концепция судебной реформы 1991 года и последующие пилотные проекты по созданию ювенальных судов (в Ростовской области, Санкт-Петербурге) в 2000-х гг. Эти эксперименты доказали эффективность специализации, но не получили законодательного закрепления в силу политических и идеологических разногласий («антиювенальная» риторика). Вместо создания автономной системы, государство избрало путь внедрения ювенальных технологий в существующую судебную и правоохранительную систему: введение института помощника судьи с функциями социального работника, развитие восстановительного правосудия (медиации), создание специализированных судебных составов [34].

Таким образом, эволюция правового регулирования в России демонстрирует циклический характер: от прогрессивных начинаний (конец XIX в.) к репрессивному откату (середина XX в.) и последующей сложной, противоречивой рецепции международных стандартов (рубеж XX-XXI вв.). Современная модель представляет собой гибридный формат, сочетающий формально прогрессивные нормы УПК РФ с унаследованными от советского периода карательными стереотипами в правоприменении и отсутствием единой координирующей государственной политики. Этот исторический контекст является ключом к пониманию многих системных проблем современного производства по делам несовершеннолетних, таких как формализм гарантий, слабость восстановительных механизмов и непоследовательность судебной практики.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обладает специфической правовой природой, поскольку призвано обеспечить максимальную защиту прав и интересов лица, не достигшего совершеннолетия, а также учесть его психофизические особенности и повышенную уязвимость в силу возраста.

Правовую природу данного института рассматривали ряд авторов. Так, Л.Б. Филонов рассматривал производство по делам несовершеннолетних как одно из ключевых направлений гуманизации уголовного процесса. Он указывал на необходимость «диверсификации» мер воздействия на подростков-правонарушителей, отмечая, что неспособность государства предложить подростку иное, кроме репрессии, может привести к усугублению криминогенных наклонностей, формированию стойкой девиантной личности. По мнению ученого, гуманистический потенциал уголовного судопроизводства должен проявляться прежде всего в развитии институтов досудебного урегулирования конфликтов, примирительных процедур и широкой индивидуализации ответственности [41].

В свою очередь, С.М. Левин подчеркивает, что особый порядок привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности должен исходить из приоритета воспитательного и реабилитационного подхода, что соответствует положениям международных актов, в частности, Пекинских правил. Ученый обращает внимание на то, что дети, ввиду возрастных особенностей, нуждаются в особом механизме защиты их прав, а также в создании условий для их дальнейшей социальной адаптации, что во многом достигается за счет внедрения в процесс обязательного участия педагогов и психологов, а также через практику назначения альтернативных мер наказания [18].

Другие авторы, например, В.В. Назаренко, анализируя российское законодательство, указывает, что глава 50 УПК РФ, несмотря на наличие специфических норм (участие специалистов, расширенные возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия), все же не

исчерпывает потребностей практики, так как не предусматривает полноценного «суда для несовершеннолетних», способного комплексно решать вопросы ответственности и реабилитации [23].

Л.И. Беляева уделяет внимание историческим аспектам становления ювенальной юстиции и анализируют опыт зарубежных государств Л.И. Беляева рассматривает появление первых специализированных ювенальных судов как качественный скачок в развитии правосудия, где главными принципами выступали защитная и воспитательная функции, а не только наказание и возмездие [4].

Стремясь выработать единые стандарты защиты прав несовершеннолетних, международное сообщество, разработало и приняло ряд документов, среди которых особое значение имеют Минимальные стандартные правила ООН по отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [20], сформулировавшие ключевые принципы индивидуализированного подхода к ребенку-правонарушителю, недопустимости необоснованного ограничения свободы и важности реабилитационных мер.

В Российской Федерации, несмотря на периодические дискуссии в научной и правоприменительной среде, до сих пор не сформировано отдельное звено ювенальных судов, что объясняется как недостаточной законодательной базой, так и разными точками зрения в правовом сообществе на необходимость специализированной системы правосудия для несовершеннолетних. При этом глава 50 УПК РФ закрепляет существенные особенности производства, среди которых особое внимание уделяется участию педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего, возможностям применения мер воспитательного характера и учету интересов семьи [10]. Некоторые авторы указывают на важность дальнейшего совершенствования законодательной регламентации, расширения гарантий прав детей и формирования более гибких правовых механизмов, тогда как другие исследователи полагают, что существующих норм достаточно при

условии правильного применения, однако все сходятся во мнении о необходимости ориентации на международные стандарты и гуманистический подход к несовершеннолетним [22].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет особый порядок производства по уголовным делам о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, в главе 50, что свидетельствует о признании законодателем необходимости учитывать возрастные, психологические и социальные особенности данной категории обвиняемых и подсудимых [35].

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство, имплементируя международно-правовые стандарты, закрепляет дифференцированный подход к производству по делам несовершеннолетних. Глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» представляет собой самостоятельный, особый процессуальный режим (специальный порядок), который действует наряду с общими правилами судопроизводства, но в приоритетном порядке. Данная глава не является исчерпывающей, а устанавливает исключения и дополнения к общим нормам УПК РФ, применяясь системно с учетом возраста и особого статуса несовершеннолетнего участника процесса (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1).

Основополагающей нормой, закладывающей принцип повышенных гарантий, является статья 420 УПК РФ «Общие правила производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» [35]. Она прямо указывает, что производство по таким делам осуществляется в общем порядке, установленном частями вторым и третьим УПК РФ, но с изъятиями, предусмотренными главой 50. Эти изъятия не носят характер незначительных исключений, а образуют целостную систему охранительных мер, призванных обеспечить:

- защиту законных интересов несовершеннолетнего в силу его возрастной, социальной и психологической незрелости;

- учет воспитательного воздействия судопроизводства;
- минимизацию негативных последствий вовлечения в уголовный процесс.

Центральным элементом специального порядка выступает расширенный предмет доказывания, установленный ст. 421 УПК РФ [35]. Помимо общих обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), закон предписывает в обязательном порядке устанавливать специфические данные, характеризующие личность и условия жизни несовершеннолетнего. К ним относятся: точный возраст (число, месяц, год рождения), условия жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности, влияние старших по возрасту лиц. Данная норма юридически закрепляет принцип индивидуализации производства, обязывая следователя, дознавателя и суд исследовать не только факт преступления, но и его социально-психологические детерминанты, что является основой для выбора адекватной, в том числе воспитательной, меры воздействия.

Важнейшей гарантией выступает обязательное участие защитника с момента фактического задержания или предъявления обвинения, а также законного представителя (ст. 51, 428 УПК РФ). Их участие не является правом, а представляет собой обязанность государственных органов. Законный представитель, в частности, обладает широким кругом процессуальных прав (знакомиться с материалами дела, участвовать в следственных действиях с участием несовершеннолетнего, представлять доказательства и так далее), что призвано компенсировать недостаточную процессуальную дееспособность подростка.

Для обеспечения эффективного участия несовершеннолетнего в следственных действиях и судебном заседании закон предусматривает обязательное привлечение педагога или психолога (ст. 425, 428 УПК РФ). Их задача – не только создать благоприятную психологическую атмосферу, но и помочь сформулировать вопросы, проверить правильность восприятия

подростком происходящего, что соответствует европейскому стандарту «эффективного участия».

Значение процессуальных особенностей в отношении несовершеннолетних определяется тем, что их реализация служит гарантией защиты как личных прав, так и общественных интересов. Важно подчеркнуть, что в соответствии с частью 1 статьи 420 УПК РФ при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних используются общие правила уголовного судопроизводства, однако применяется и комплекс дополнительных норм, регулирующих статус обвиняемого, подсудимого, свидетеля и потерпевшего [39].

Особый порядок также проявляется в специальных правилах избрания меры пресечения. Заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего может быть применено лишь в исключительных случаях и только за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Это прямое отражение международного принципа о том, что лишение свободы должно быть крайней мерой. При решении вопроса об избрании меры пресечения обязательно обсуждается возможность отдачи под присмотр (ст. 105 УПК РФ) [35].

Завершающим институтом специального порядка является особенность окончания производства. Статья 427 УПК РФ предоставляет следователю и дознавателю (с согласия руководителя) право, а суду – право прекратить уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия. Аналогично, при постановлении обвинительного приговора суд вправе освободить несовершеннолетнего от наказания с применением таких же мер (ст. 432 УПК РФ)

Так, законодатель устанавливает специальные правила, связанные с допросом несовершеннолетнего, его участием в следственных действиях, определением конкретных условий содержания под стражей, а также

особенностями назначения и исполнения наказания. К примеру, в соответствии со статьёй 425 УПК РФ при производстве предварительного расследования в отношении несовершеннолетнего следователь и дознаватель обязаны учитывать уровень психического развития последнего, состояние его здоровья, жизненные условия и воспитание, а также влияние на него старших по возрасту. В данном контексте особое значение приобретает привлечение педагогов, психологов, а также врачей-психиатров по усмотрению органа дознания, следователя или суда при проведении следственных и иных процессуальных действий [37].

Процессуальные особенности играют важную роль и в профилактическом аспекте, поскольку установление особого порядка работы с несовершеннолетними позволяет применять к ним более гибкие формы реагирования, включая возможность прекращения уголовного преследования при соблюдении определённых условий, предусмотренных законом. Такая практика регламентирована, в частности, статьёй 427 УПК РФ, которая предоставляет органам предварительного расследования, прокурору или суду право освободить несовершеннолетнего обвиняемого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, если это будет соответствовать интересам самого подростка и способствовать его исправлению.

Итак, понятие процессуальных особенностей включает в себя совокупность специальных норм и принципов, закреплённых в уголовно-процессуальном законодательстве, которые направлены на обеспечение гарантий защиты личности несовершеннолетнего участника уголовного процесса. Важно учитывать, что эти особенности не ограничиваются формальными требованиями, установленными УПК РФ, а охватывают также соответствующую судебную практику, разъяснения высших судебных инстанций, а нередко и иные нормы российского законодательства.

Таким образом, особый порядок производства, закрепленный в главе 50 УПК РФ, представляет собой комплексную систему специальных процессуальных норм, которые:

- расширяют предмет доказывания (ст. 421);
- дополняют круг обязательных участников (защитник, законный представитель, педагог/психолог – ст. 51, 425, 428);
- ограничивают применение наиболее строгих мер процессуального принуждения (ст. 108);
- предусматривают специальные основания и процедуры для окончания дела воспитательными мерами (ст. 427, 432) [35].

Принципы, заложенные в уголовном судопроизводстве, должны соотноситься с интересами ребёнка, его возрастными особенностями и необходимостью минимизировать негативные последствия возможного уголовного преследования. При этом воспитывающая и образовательная роль уголовного права для несовершеннолетних должна дополняться принципом гуманизма, который закреплён в статье 7 УПК РФ и находит отражение в правоприменительной практике [31].

Сама процедура расследования и судебного разбирательства должна учитывать индивидуальные особенности личности ребёнка, его окружение, социальные и культурные факторы, а также цели профилактики повторных правонарушений. Данная система взаимодействия должна подкрепляться соответствующими указами и постановлениями Правительства РФ, а также ведомственными нормативными актами, регламентирующими проведение экспертиз, порядок участия специалистов и порядок обмена информацией между органами профилактики правонарушений.

Эта система направлена на реализацию конституционного принципа гуманизма и международных обязательств России в сфере прав ребенка, формируя формально-юридическую основу для ювенальной юстиции. Однако эффективность данного порядка зависит не только от наличия норм, но и от качества их правоприменения, что порождает ряд практических проблем. С

учётом сказанного, процессуальные особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляют собой не просто совокупность норм, а целостную систему гарантий, обеспечивающих комплексный подход к рассмотрению дел данной категории.

1.2 Международно-правовые стандарты и принципы ювенальной юстиции как основа национального регулирования

Формирование и развитие национальной системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации, равно как и в большинстве стран мира, происходит под непосредственным влиянием и в русле общепризнанных международно-правовых стандартов. Эти стандарты, закрепленные в универсальных и региональных документах, составляют концептуальную основу («философию») ювенальной юстиции, задавая ее цели, принципы и минимальные процессуальные гарантии. Участие России в основных международных договорах в сфере прав человека обязывает государство имплементировать эти нормы в национальное законодательство и правоприменительную практику.

Ключевым универсальным документом, определяющим общий подход к правам ребенка, является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года [15]. Она закрепляет фундаментальные принципы, которые напрямую транслируются в уголовное судопроизводство: приоритетность наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 3), право на жизнь, выживание и развитие (ст. 6), право быть заслушанным в любом судебном или административном разбирательстве (ст. 12), а также гарантии гуманного обращения и уважения человеческого достоинства (ст. 37, 40). Конвенция устанавливает, что лишение свободы несовершеннолетнего должно применяться только в качестве крайней меры и на минимально необходимый срок.

Специализированными источниками, конкретизирующими стандарты правосудия для несовершеннолетних, выступают так называемые «Пекинские

правила» – Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.) [20]. Этот документ ввел в международный оборот само понятие «правосудие в отношении несовершеннолетних» (juvenile justice) и сформулировал его базовые цели, главная из которых – обеспечение благополучия несовершеннолетнего. Правила закрепили принципы:

- профессионализма и специализации (наличие специальных знаний у сотрудников правоохранительных органов и судей);
- соразмерности реакции (меры воздействия должны быть пропорциональны как обстоятельствам правонарушения, так и личности, и потребностям несовершеннолетнего);
- минимизации вмешательства (ограничение применения формальных процедур, отказ от уголовного преследования, когда это возможно);
- обеспечения процессуальных гарантий (презумпция невиновности, право на защиту, право не свидетельствовать против себя).

Важным дополнением являются Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.) [32]. Они смещают акцент с судебного разбирательства на превенцию и социальную политику, подчеркивая, что предупреждение правонарушений требует усилий всего общества. Принципы призывают создавать возможности для социализации молодежи, избегая криминализирующего и стигматизирующего воздействия системы.

Европейские стандарты, отраженные в практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), оказывают прямое влияние на российское правоприменение через механизм исполнения решений Суда. В своих постановлениях ЕСПЧ развил и конкретизировал требования к производству по делам несовершеннолетних, в частности:

- требование адаптации судопроизводства к уровню зрелости и понимания ребенка (дело «V. v. the United Kingdom»);

- обязанность обеспечить эффективное участие несовершеннолетнего в судебном заседании, что предполагает его способность понимать суть процесса и быть понятым судом (дело «S.C. v. the United Kingdom»);
- повышенные гарантии при лишении свободы, включая необходимость содержания отдельно от взрослых и обеспечения воспитательной направленности режима [32].

Национальное регулирование, представленное главой 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», является прямым следствием имплементации указанных международных стандартов. В российском процессуальном законодательстве нашли отражение такие принципы, как:

- обязательность участия защитника и законного представителя (ст. ст. 51, 428 УПК РФ);
- расширенный предмет доказывания с акцентом на условия жизни и воспитания (ст. 421 УПК РФ);
- приоритет воспитательных мер уголовному наказанию (ст. 432 УПК РФ);
- возможность прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ).

Помимо универсальных стандартов ООН, правосудие в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации, как в государстве-члене Совета Европы, формируется под значительным влиянием европейской правовой системы. Эта система включает в себя как конвенционные нормы, так и, что особенно важно, динамичную прецедентную практику Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ). Европейские стандарты отличает особая конкретика и акцент на процессуальные гарантии, непосредственно применимые в национальных судах.

Фундаментом служит Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) 1950 года, права по которой гарантированы всем лицам, включая несовершеннолетних. Ключевые для уголовного судопроизводства статьи – ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство), ст. 3 (запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) – толкуются Судом с учетом особой уязвимости детей.

ЕСПЧ в своей практике выработал ряд специализированных принципов, которые фактически являются обязательными для российских правоприменительных органов.

Первым является принцип адаптации (приспособления) судопроизводства (the principle of adaptation). Это краеугольный камень европейского подхода. Суд неоднократно подчеркивал (дело «V. v. the United Kingdom» [1999], «S.C. v. the United Kingdom» [2004]), что судебный процесс в отношении ребенка должен быть организован таким образом, чтобы полностью учитывать его возраст, уровень зрелости, интеллектуальные и эмоциональные способности. Формального равенства сторон недостаточно, необходимо создать условия, позволяющие несовершеннолетнему эффективно участвовать в процессе. Это означает:

- понятность языка, так информация о обвинении и процедурах должна излагаться на доступном для ребенка языке;
- психологическая поддержка. Наличие педагога или психолога – не формальность, а необходимость для снижения стресса и помощи в коммуникации;
- адаптация обстановки. Возможность проведения заседаний в менее формальной обстановке, например, без мантий, или в кабинете судьи (дело «A.B. v. Russia» [2019] касалось вопроса закрытого судебного заседания как меры адаптации).

Второй – это принцип эффективного участия (the principle of effective participation). Вытекает из права на справедливое судебное разбирательство

(ст. 6 ЕКПЧ). В деле «S.C. v. the United Kingdom» суд установил, что обвиняемый-несовершеннолетний должен не просто физически присутствовать, но и иметь возможность понимать существо процесса и быть понятым судом. Если ребенок в силу возраста, психического состояния или иных причин не способен осознанно участвовать в процессе, это является нарушением ст. 6. Данный стандарт напрямую обязывает национальные суды проводить оценку способности несовершеннолетнего к участию, что в российской практике реализуется через обязательное привлечение психолога и вынесение мотивированного решения по этому вопросу.

Нельзя не отметить и повышенные гарантии при лишении свободы (ст. 3 и 5 ЕКЧС). ЕСПЧ последовательно применяет повышенный стандарт оценки к любым мерам, связанным с заключением несовершеннолетних. Так, арест и задержание должны быть крайней мерой и применяться в течение минимально необходимого срока. Любое задержание должно быть юридически и фактически обосновано (дело «Гуськов против России» [2012]). Содержание несовершеннолетних вместе со взрослыми заключенными рассматривается как унижающее достоинство обращение и нарушение ст. 3 ЕКПЧ (дело «M.C. против Бельгии» [2012]). Требуется обеспечение раздельного содержания и режима воспитательное-образовательного характера, адекватного возрасту.

Применительно к несовершеннолетним требование о «разумном сроке» судопроизводства (ст. 6) является еще более строгим, поскольку длительная процедура оказывает наиболее деструктивное воздействие на психику ребенка и его социальную адаптацию.

Третий – это принцип индивидуального подхода при назначении наказания. В делах, связанных с осуждением несовершеннолетних (например, «Т. против Великобритании» [1999] – дело об убийстве 10-летним ребенком), Суд указывал, что суды обязаны проводить тщательную оценку степени зрелости, способности понимать последствия своих действий и условий, приведших к совершению преступления. Наказание должно преследовать цели исправления и реабилитации, а не только кары.

Позиция ЕСПЧ оказывает прямое и непосредственное воздействие влияние на российское законодательство и правоприменение. Так, ряд изменений в УПК РФ (например, усиление гарантий участия психолога, расширение оснований для прекращения дел) были инициированы с учетом правовых позиций Страсбургского суда. Верховный Суд РФ в своих обзорах и постановлениях прямо ссылается на практику ЕСПЧ, обязывая нижестоящие суды учитывать стандарты эффективного участия, адаптации и соразмерности. Решения ЕСПЧ против России по делам несовершеннолетних (например, о неэффективности расследования пыток в колонии для несовершеннолетних) приводят к выплате компенсации, а также к изменению практики соответствующих учреждений и следственных органов.

Итак, европейские стандарты, в особенности в интерпретации ЕСПЧ, представляют собой живой, развивающийся механизм «настройки» национального правосудия. Они не дублируют, а детализируют и операционализируют общие принципы ООН, переводя их в плоскость конкретных процессуальных действий и судебных решений. Соответствие им является для России не только международным обязательством, но и критерием эффективности и гуманности собственной системы правосудия в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, международно-правовые стандарты выполняют ориентирующую, нормативно-задающую и контролирующую функции. Они формируют концептуальный каркас, на который национальный законодатель «наращивает» конкретные процедурные нормы, а правоприменитель обязан руководствоваться ими в случаях пробелов или неопределенности в национальном праве. Однако, как показывает практика, формальное закрепление принципов в УПК РФ не гарантирует их полной и эффективной реализации, что порождает проблему разрыва между «правом в книгах» и «правом в действии», требующую отдельного анализа.

1.3 Особенности правового статуса несовершеннолетнего как субъекта уголовного процесса

Правовой статус несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве представляет собой уникальное правовое явление, сочетающее в себе элементы специального субъекта с особыми охранительными гарантиями и ограниченной процессуальной дееспособностью, требующей компенсации. Этот статус не является простой суммой общих процессуальных прав и обязанностей участника, а формируется под влиянием двух ключевых факторов:

- повышенной защитой со стороны государства в силу возрастной и социальной уязвимости;
- необходимостью обеспечения адекватного, осознанного участия в процессе лицом, не обладающим полной психической и социальной зрелостью [2].

Данный дуализм находит свое отражение в нормах УПК РФ, которые создают для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого комплекс дополнительных прав и механизмов их реализации.

Ядро особого статуса составляют дополнительные гарантии прав, призванные нивелировать возрастную незрелость и обеспечить справедливое разбирательство. Эти гарантии носят императивный характер и включают:

- гарантия обязательного профессионального представительства. В соответствии со ст. 51 УПК РФ участие защитника по делам несовершеннолетних является обязательным с момента фактического задержания или предъявления обвинения. Отказ от защитника не допускается и не влечет его устранения, что ограждает подростка от неосознанных решений под влиянием стресса или давления. Защитник выступает не только как субъект, оказывающий юридическую помощь, но и как гарант понимания

- несовершеннолетним сути предъявляемых обвинений и процессуальных последствий своих действий;
- гарантия семейно-правового представительства и поддержки. Обязательное участие законного представителя (ст. 428 УПК РФ) – родителя, усыновителя, опекуна – служит цели обеспечения и защиты имущественных и личных неимущественных прав подростка. Законный представитель наделен широкими правами (заявлять ходатайства, представлять доказательства, знакомиться с материалами дела), что компенсирует недостаточную процессуальную опытность несовершеннолетнего. Однако его роль не подменяет роль защитника, а дополняет ее, обеспечивая связь процесса с социальным окружением ребенка;
 - гарантия психолого-педагогического сопровождения. Привлечение педагога или психолога к участию в допросе несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в развитии (ст. ст. 425, 428 УПК РФ), является ключевой процессуальной гарантией, направленной на адаптацию производства. Специалист выполняет функции процессуального коммуникатора и адаптера: помогает сформулировать вопросы в доступной форме, фиксирует психоэмоциональное состояние, предотвращает психологическую травму, обеспечивая тем самым реализацию принципа «эффективного участия», сформулированного в практике ЕСПЧ;
 - гарантия конфиденциальности и ограничения гласности. В целях ограждения несовершеннолетнего от излишней публичности и стигматизации ч. 2 ст. 241 УПК РФ предписывает проведение закрытых судебных заседаний по делам о преступлениях лиц, не достигших 16 лет. Это является прямой имплементацией

международного стандарта уважения частной жизни ребенка (ст. 16 Пекинских правил).

Одновременно с расширением гарантий, правовой статус несовершеннолетнего характеризуется специфическими ограничениями и особенностями реализации общих процессуальных прав, вытекающими из его частичной дееспособности:

- ограниченная право- и дееспособность в совершении распорядительных действий. Несовершеннолетний не может самостоятельно, без согласия или участия защитника и законного представителя, принимать решения, существенно влияющие на ход и исход дела. Например, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) требует согласия его законного представителя;
- особый порядок проведения следственных действий. Допрос несовершеннолетнего не может продолжаться более 2 часов без перерыва, а в общей сложности – более 4 часов в день (ч. 1 ст. 425 УПК РФ). При его участии в иных следственных действиях (очной ставке, опознании) также должны применяться особые тактические приемы, учитывающие психологические особенности;
- приоритет воспитательных целей при выборе мер процессуального принуждения и окончания дела. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу существенно ограничено (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Закон прямо ориентирует правоприменителя на использование альтернатив, таких как отдача под присмотр (ст. 105 УПК РФ). Аналогично, при решении вопроса об окончании производства приоритет отдается принудительным мерам воспитательного воздействия (ст. ст. 427, 432 УПК РФ), а не уголовному наказанию.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию особого статуса несовершеннолетнего в УПК РФ, его практическая реализация сопряжена с рядом системных проблем и противоречий. Эти проблемы носят

как нормативно-технический, так и правоприменительный характер, зачастую сводя на нет охранительный потенциал закона и нарушая принцип эффективного участия ребенка в процессе [3].

Первой проблемой следует выделить проблему формального подхода к обязательному участию защитника, законного представителя и педагога (психолога). Так, нормы об обязательном участии указанных лиц, являющиеся краеугольным камнем особого статуса, на практике часто выхолащиваются. Участие защитника, назначаемого по соглашению или через адвокатскую палату, нередко сводится к пассивному присутствию.

Отсутствие специализации адвокатов в ювенальной юстиции, их недостаточная подготовленность к работе с детской психологией, а также низкий уровень оплаты труда по назначению приводят к тому, что защита носит шаблонный, а не активный характер. Защитник может не истребовать характеристики, не настаивать на проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы, ограничиваясь формальным участием в следственных действиях.

Ситуация, когда законный представитель (например, родитель) одновременно является потерпевшим по делу (при семейном насилии) или негативно настроен против несовершеннолетнего, ставит последнего в уязвимое положение. Закон (ст. 428 УПК РФ) допускает отстранение такого представителя, но процедура запутанна, а суды и следователи зачастую избегают ее инициировать, оставляя подростка без действенной поддержки со стороны семьи. Более того, законный представитель иногда используется следователем как источник давления на несовершеннолетнего для получения «нужных» показаний.

Привлечение педагога или психолога часто становится профформой. Специалист может не иметь подготовки для работы в уголовном процессе, его функции сводятся к простому присутствию без активного воздействия на ход допроса. Вопросы о его роли, мнении по поводу состояния ребенка и

адекватности задаваемых вопросов остаются за рамками протокола, что противоречит цели обеспечения адаптации процесса (ст. 425 УПК РФ).

Вторая проблема – это проблема обеспечения «эффективного участия» и понимания сущности процесса. Ключевой стандарт ЕСПЧ о том, что несовершеннолетний должен не просто присутствовать, но и понимать процесс и быть понятым, сталкивается с серьезными препятствиями. Обвинительное заключение, вопросы суда и сторон изобилуют сложной юридической терминологией, непонятной подростку.

Таким образом, правовой статус несовершеннолетнего в уголовном процессе носит компенсаторно-охранительный характер. Он представляет собой сложную конструкцию, где дополнительные процессуальные гарантии (обязательное участие защитника, законного представителя, педагога/психолога) призваны уравновесить естественные ограничения в дееспособности и обеспечить реальную, а не формальную возможность защиты своих прав. Этот статус не является статичным; его содержание и эффективность реализации напрямую зависят от активности и профессионализма «взрослых» участников (следователя, судьи, защитника), которые обязаны не просто соблюдать формальные требования закона, но и обеспечивать подлинное понимание и участие ребенка в процессе, что является основной практической проблемой в реализации данного статуса.

Глава 2 Особенности процессуального порядка на различных стадиях производства по делам несовершеннолетних

2.1 Досудебное производство: гарантии прав несовершеннолетнего на этапе предварительного расследования

Досудебное производство, охватывающее стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, представляет собой критически важный этап, на котором закладывается основа для всего последующего судопроизводства в отношении несовершеннолетнего. В этот период, характеризующийся максимальной интенсивностью следственных действий и высокой степенью психологического давления, реализация специальных процессуальных гарантий приобретает первостепенное значение для защиты прав личности и обеспечения качества собираемых доказательств. Российский уголовно-процессуальный закон (гл. 50 УПК РФ) устанавливает комплекс дополнительных гарантий на досудебных стадиях, направленных на адаптацию процессуальных действий к особенностям несовершеннолетнего.

Так, производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего начинается с момента возбуждения уголовного дела и сопровождается соблюдением особых правил на каждом этапе. Центральной фигурой в этом процессе продолжает оставаться следователь (или дознаватель), ответственный за сбор доказательств и оценку обстоятельств дела, однако круг его обязанностей расширен за счёт необходимости постоянного мониторинга условий жизни подростка, уровня его развития и возможного негативного влияния со стороны старших по возрасту. Следователь, дознаватель и иные уполномоченные лица обязаны учитывать возраст лица, в отношении которого ведётся процесс, и его психофизические особенности.

Согласно статье 420 УПК РФ общие правила производства по уголовным делам сохраняются, но дополняются специальными нормами,

позволяющими защитить несовершеннолетнего от возможного давления или манипуляций [38].

Так, УПК РФ предусмотрены специальные гарантии при задержании, избрании меры пресечения и привлечении в качестве обвиняемого. Согласно ст. 423 УПК РФ, вызов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не находящегося под стражей, к следователю, дознавателю или в суд производится через его законных представителей. Это правило призвано минимизировать стресс и обеспечить своевременное информирование семьи, хотя на практике возможны нарушения в виде прямого вызова подростка.

При задержании несовершеннолетнего в соответствии со ст. 91-92 УПК РФ, администрация места содержания под стражей обязана незамедлительно уведомить об этом его родителей или иных законных представителей (ч. 3 ст. 423 УПК РФ). Данная гарантия направлена на обеспечение оперативного доступа к защитнику и контроль за условиями содержания.

Так, согласно статье 423 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу суд обязан учитывать возраст несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, состояние его здоровья, условия жизни и воспитания, психическое и социальное развитие, наличие семьи и других лиц, способных обеспечить надлежащий контроль за его поведением. Важность такого подхода обусловлена тем, что заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, способной негативно отразиться на психическом состоянии и дальнейшем развитии несовершеннолетнего.

Статья 108 УПК РФ устанавливает общее правило применения меры пресечения в виде заключения под стражу, обозначая, что эта мера применяется лишь при наличии достаточных оснований полагать, что несовершеннолетний скроется от следствия или суда, продолжит заниматься преступной деятельностью либо иным способом воспрепятствует расследованию уголовного дела. При этом суд обязан проверить возможность избрания более мягкой меры пресечения, что также предусмотрено частью 1.1

указанной статьи, где прямо подчёркивается необходимость проверки возможности применения альтернативных мер, таких как домашний арест (статья 107 УПК РФ), подписка о невыезде и надлежащем поведении (статья 102 УПК РФ), а также личное поручительство (статья 103 УПК РФ).

Кроме того, в статье 105 УПК РФ специально указывается на возможность передачи несовершеннолетнего под надзор родителей, опекунов, попечителей или специализированных органов и учреждений. Законодатель подчёркивает, что такая форма пресечения является приоритетной по сравнению с заключением под стражу, если способна обеспечить участие подростка в уголовном процессе, предотвратить его противоправные действия и одновременно минимизировать психологическую травму, связанную с ограничением свободы.

Таким образом, заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего может быть применено только в исключительных случаях, за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Закон обязывает суд при решении этого вопроса обсуждать возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр (ст. 105 УПК РФ). Ключевой проблемой на данном этапе остается формальный подход судов к оценке «исключительности» случая, когда тяжесть преступления часто автоматически признается достаточным основанием, без должного исследования альтернатив.

В УПК РФ закрепляет и гарантии обеспечения участия защитника, законного представителя и педагога (психолога) в следственных действиях. Данные гарантии являются центральными для обеспечения принципа состязательности и адаптации процесса.

Положение статьи 421 УПК РФ, где предусмотрено обязательное участие педагога или психолога при проведении процессуальных действий, касающихся несовершеннолетних, что обеспечивает дополнительную защиту их прав и интересов, позволяет суду принимать взвешенные решения,

основанные не только на формальных критериях, но и на глубоком понимании личности подростка и его жизненных обстоятельств.

Одной из гарантий является участие защитника, оно обязательно с момента фактического задержания или предъявления обвинения (ст. 51 УПК РФ). Любые показания, данные несовершеннолетним на допросе без защитника (включая случаи формального отказа), являются недопустимыми доказательствами (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Однако проблема заключается в качестве защиты: адвокат, назначенный через адвокатскую палату, не всегда обладает необходимой специализацией и мотивацией для активной, детальной работы по делам несовершеннолетних.

Обязательное участие защитника в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляет собой одну из фундаментальных гарантий, закрепленных как международными стандартами (п. 15.1 Пекинских правил), так и национальным законодательством. Эта гарантия носит императивный, безусловный характер и служит системообразующим элементом, компенсирующим возрастную и психологическую незрелость несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. Ее назначение выходит за рамки обычной юридической помощи, трансформируясь в инструмент обеспечения принципа состязательности, адаптации процесса и защиты от произвола.

Регламентация данного института в УПК РФ отличается рядом существенных особенностей, усиливающих охранительную функцию.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника является обязательным с момента фактического задержания или предъявления обвинения. В отличие от общего порядка, отказ от защитника по делам несовершеннолетних не допускается и не влечет его устранения. Это прямое следствие понимания того, что подросток не способен в полной мере осознать последствия такого отказа в стрессовой ситуации.

Любые показания несовершеннолетнего, данные в ходе досудебного или судебного производства в отсутствие защитника (включая случаи

формального отказа), являются недопустимыми доказательствами и не могут быть положены в основу обвинения (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Данная санкция служит важнейшим механизмом обеспечения реальности гарантии.

Помимо общих полномочий (ст. 53 УПК РФ), защитник по делам несовершеннолетних обязан активно использовать права, направленные на установление обстоятельств, смягчающих ответственность или свидетельствующих о необходимости применения воспитательных мер. Это включает истребование характеризующих материалов (из школы, органов опеки), заявление ходатайств о проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы, акцентирование внимания на условиях жизни и воспитания (ст. 421 УПК РФ).

В контексте производства по делам несовершеннолетних роль защитника многогранна:

- обеспечивает разъяснение прав и обязанностей на доступном для подростка языке, помогает формулировать позицию по делу, осуществляет представительство в суде;
- следит за соблюдением следователем и судом специальных правил производства (продолжительность допроса, участие педагога, законного представителя), своевременно заявляя ходатайства и жалобы на нарушения;
- способствует установлению контакта между следователем и несовершеннолетним, снижая уровень стресса и тревоги, что способствует получению более полных и достоверных показаний;
- инициирует сбор и представление доказательств, характеризующих личность и социальное окружение подростка, тем самым способствуя индивидуализации ответственности и обоснованию применения альтернативных наказания мер (ст. 427, 432 УПК РФ).

Несмотря на безупречную нормативную модель, практическая реализация права на защиту сталкивается с серьезными препятствиями. Особенно остро она проявляется в случаях, когда адвокат назначается через

систему бесплатной юридической помощи или адвокатскую палату. Низкий размер вознаграждения, отсутствие специализации в ювенальной юстиции и высокой загруженности приводят к пассивной позиции. Такой защитник может ограничиться формальным присутствием на следственных действиях, не проявляя инициативы в сборе оправдательных или смягчающих доказательств, не оспаривая сомнительные выводы следствия.

Многие адвокаты не обладают навыками работы с детьми и подростками, особенно находящимися в состоянии стресса, не понимают возрастной психологии, что затрудняет установление доверительного контакта и снижает качество защиты. Ситуации, когда позиция родителей (законных представителей) не совпадает с интересами несовершеннолетнего (например, давление с целью признания вины), ставят адвоката в сложное положение. Законодательство недостаточно четко регулирует приоритет интересов ребенка в такой коллизии.

Защитник редко выступает инициатором применения примирительных процедур (медиации), прекращения дела в связи с примирением (ст. 25 УПК РФ) или применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ), зачастую следуя по традиционному пути оспаривания обвинения, а не поиска воспитательного решения.

Таким образом, институт обязательной защиты по делам несовершеннолетних, будучи мощной процессуальной гарантией, на практике подвержен риску формализации. Его эффективность напрямую зависит от преодоления системных дисфункций: внедрения специализации и повышения квалификации адвокатов в сфере ювенальной юстиции, пересмотра системы оплаты труда назначаемых защитников, а также развития понимания того, что цель защиты в таком процессе – не только добиться оправдания или смягчения наказания, но и обеспечить наилучшее обеспечение интересов ребенка через комплексную юридическую, психологическую и социальную поддержку. Без этого обязательное участие защитника рискует остаться лишь технической процедурой, не выполняющей своей высшей охранительной миссии.

В соответствии со ст. ст. 426, 428 УПК РФ законный представитель имеет право: знать, в чем подозревается или обвиняется подросток; присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в его допросе, а также в иных следственных действиях с разрешения следователя; знакомиться с протоколами и заявлять ходатайства. Его роль – не только юридическая, но и психологическая поддержка. Конфликтная ситуация (когда интересы представителя и ребенка противоречат друг другу) требует немедленного отстранения представителя и замены его органом опеки и попечительства, что на практике осуществляется с большим запозданием [26].

Статья 425 УПК РФ устанавливает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего 16-летнего возраста, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Их функции: оказание помощи следователю в формулировке вопросов, установлении психологического контакта, фиксации особенностей поведения и состояния допрашиваемого. Основная практическая проблема – превращение этого участия в формальность, когда специалист пассивен, а его мнение не отражается в протоколе и не учитывается при оценке доказательств.

Положение статьи 421 УПК РФ, где предусмотрено обязательное участие педагога или психолога при проведении процессуальных действий, касающихся несовершеннолетних, что обеспечивает дополнительную защиту их прав и интересов, позволяет суду принимать взвешенные решения, основанные не только на формальных критериях, но и на глубоком понимании личности подростка и его жизненных обстоятельств [33].

Проведение следственных действий с участием несовершеннолетних представляет собой наиболее сложный и ответственный элемент досудебного производства, требующий строгого соблюдения специальных процессуальных норм, выходящих за рамки общих правил УПК РФ. Эти особенности, сконцентрированные в главе 50 УПК РФ и ряде других норм, направлены на решение двойной задачи: минимизация психологической травмы и

обеспечение достоверности получаемых сведений; гарантия реализации права на защиту и справедливое разбирательство. Их несоблюдение не только нарушает права ребенка, но и ставит под сомнение допустимость и доброкачественность полученных доказательств.

Процессуальное взаимодействие с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым или свидетелем инициируется с соблюдением специальных гарантий:

- вызов через законных представителей. В соответствии со ст. ст. 423, 424, 426 УПК РФ вызов несовершеннолетнего, не находящегося под стражей, производится исключительно через его законных представителей. Это правило призвано обеспечить своевременное информирование семьи и возможность подготовки подростка к участию в процедуре;
- обязательное предварительное разъяснение прав и сущности процедуры. Следователь обязан до начала действия в доступной форме разъяснить несовершеннолетнему его права, значение и порядок предстоящей процедуры, а также юридические последствия. Критически важным является оценка уровня понимания ребенком этих разъяснений, что на практике часто игнорируется, сводясь к формальному зачитыванию текста.

Закон устанавливает неизменный состав лиц, присутствие которых необходимо для легитимности следственного действия. Так, участие защитника обязательно с момента задержания или предъявления обвинения, а при допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего – с момента, когда его статус может измениться на подозреваемого/обвиняемого (ст. 51 УПК РФ). Любое следственное действие в отсутствие защитника, когда его участие обязательно, влечет недопустимость полученных доказательств.

Законный представитель имеет право присутствовать при всех действиях с участием ребенка, заявлять ходатайства, давать пояснения (ст. ст. 426, 428 УПК РФ). Его отсутствие без уважительных причин является

существенным нарушением. Проблема возникает при конфликте интересов, когда представитель действует не в пользу ребенка, что требует его оперативного отстранения и замены [24].

Согласно ст. ст. 191, 425, 428 УПК РФ, участие педагога или психолога при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний с участием несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет (или достигшего, но страдающего расстройством или отстающего в развитии), является обязательным. Это ключевая гарантия адаптации. Функции специалиста включают: помощь в формулировании вопросов, наблюдение за психофизиологическим состоянием, предотвращение внушающего воздействия. Однако на практике его роль часто сводится к молчаливому присутствию, а его мнение не фиксируется в протоколе [25].

Специальные процессуальные ограничения и правила, учитывающие психофизиологические особенности.

- ограничение продолжительности. Допрос несовершеннолетнего не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день (ч. 1 ст. 425, ч. 4 ст. 188 УПК РФ). Это строгое правило, призванное предотвратить физическое и эмоциональное истощение, часто нарушается под предлогом «производственной необходимости»;
- применение технических средств фиксации. Закон (ст. 191 УПК РФ) прямо предписывает по возможности проводить допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля с применением аудио- и видеозаписи. Эта норма, направленная на минимизацию количества повторных допросов и фиксацию объективной картины, для подозреваемых и обвиняемых носит рекомендательный характер, хотя ее повсеместное применение существенно повысило бы прозрачность;
- особенности тактики. Законодательство не детализирует тактику, но правоприменительная практика и научные рекомендации требуют от

следователя: создания спокойной, неформальной обстановки; построения беседы от общего к частному; исключения агрессивных, запугивающих или наводящих вопросов; учета повышенной внушаемости и склонности к фантазированию у детей младшего возраста.

При оформлении результатов следственного действия следователь обязан отразить не только содержание показаний, но и внепроцессуальные данные, имеющие значение для оценки их достоверности: факт присутствия защитника, педагога/психолога, законного представителя; разъяснение им их прав; применение технических средств; время начала, окончания и перерывов. Отсутствие этих сведений может быть основанием для признания протокола недопустимым доказательством.

Итак, процессуальные особенности проведения следственных действий с несовершеннолетними представляют собой целостную систему охранительных процедур, призванных уравновесить публичный интерес в раскрытии преступления с безусловным приоритетом защиты прав и интересов ребенка. Эффективность этой системы на практике напрямую зависит от преодоления ключевых проблем: формального подхода к участию педагога/психолога, несоблюдения временных ограничений, неадаптированной тактики допроса и слабости судебного контроля за соблюдением этих специальных норм на досудебных стадиях. Только при условии осознанного, а не ритуального соблюдения этих особенностей следственные действия могут стать инструментом установления истины, а не источником вторичной травматизации для несовершеннолетнего участника процесса.

Таким образом, досудебное производство по делам несовершеннолетних обладает развитой системой специальных гарантий, призванных компенсировать возрастную уязвимость и обеспечить справедливость расследования. Однако эффективность этих гарантий напрямую зависит от преодоления системных проблем: формализма в

деятельности правоприменителей, недостаточной специализации адвокатов и экспертов, а также обвинительного уклона, который заставляет игнорировать воспитательные цели процесса в пользу скорейшего завершения дела. Реализация гарантий на практике часто отстает от их законодательного закрепления, что требует усиления судебного контроля и ведомственного надзора за соблюдением специальных правил главы 50 УПК РФ на ранних стадиях процесса.

2.2 Участие законных представителей, педагога и психолога как специфическая гарантия прав несовершеннолетнего

В производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних классическая двусторонняя модель состязательности (обвинение – защита) дополняется обязательным участием фигур, чьи функции выходят за рамки сугубо юридического представительства. Институт обязательного участия законного представителя, педагога и психолога формирует уникальную систему многоуровневой поддержки и охраны, являясь специфической процессуальной гарантией, прямо вытекающей из признания возрастной незрелости и уязвимости ребенка. Эта система призвана обеспечить не только формальную защиту прав, но и подлинное, эффективное участие несовершеннолетнего в процессе, компенсируя его психологические и социальные ограничения.

Вопрос о роли и участии законных представителей в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних обвиняемых находит отражение в конституционных принципах защиты детства и специальном регулировании, предусмотренном рядом статей УПК РФ, семейного законодательства, а также в разъяснениях высших судебных инстанций. Особое значение приобретает ориентация российского законодательства на гуманистические начала, заложенные в статье 7 УПК РФ, и международные стандарты, включая Конвенцию о правах ребёнка, согласно которой государства-участники

обязуются обеспечивать особую охрану прав детей в любой правовой процедуре.

В статье 38 Конституции Российской Федерации закреплено, что детство находится под защитой государства, а семейные формы устройства и опеки должны быть обеспечены всей системой законодательства. В уголовном процессе эти положения проявляются в том, что несовершеннолетний обвиняемый обладает комплексом гарантированных законом прав, которые в полной мере могут быть реализованы лишь при активном участии его законных представителей.

Судебная практика демонстрирует, что чаще всего законными представителями признаются родители, усыновители, опекуны или попечители, а при их отсутствии или невозможности участия в процессе соответствующие функции выполняют представители органов опеки и попечительства. Уголовно-процессуальное законодательство, в частности статьи 48 и 426 УПК РФ, определяет круг лиц, которые вправе выступать в качестве законных представителей несовершеннолетних.

В рамках уголовного процесса важность участия законного представителя объясняется тем, что несовершеннолетний нередко не в состоянии самостоятельно понимать все процессуальные тонкости, адекватно воспринимать предъявленные обвинения, грамотно формулировать свои возражения и просьбы. Законодатель исходит из того, что законный представитель не только защищает интересы несовершеннолетнего, но и несёт ответственность за воспитание, материальную и психологическую поддержку ребёнка, а значит, обладает наибольшим потенциалом для позитивного воздействия на ход расследования и судебного разбирательства.

Судебная практика указывает на многочисленные случаи, когда отсутствие полноценного участия законного представителя приводило к нарушению прав ребёнка и влекло отмену или пересмотр принятых судебных решений вышестоящими инстанциями (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2018

года № 73-Д18-2).

Правовой статус законного представителя включает комплекс полномочий, которые закреплены в статьях 42, 47, 48, 49, 50 и 426 УПК РФ и развиваются в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [28].

Законный представитель имеет право участвовать во всех следственных и судебных действиях, присутствовать при допросах, знакомиться с материалами дела в объёме, необходимом для защиты интересов несовершеннолетнего, заявлять ходатайства и отводы, давать пояснения и представлять доказательства, а также обжаловать действия и решения органов следствия и суда. Особенность данной процессуальной фигуры состоит в том, что её цели и задачи совпадают с защитой не только правового, но и социального и психологического благополучия ребёнка, что отличает такого представителя от, к примеру, адвоката, чьи функции сосредоточены на юридической защите.

В деле № 2-416/2021, рассмотренном Юкаменским районным судом Удмуртской Республики, было установлено, что мать несовершеннолетнего обвиняемого, выступающая в качестве законного представителя, представила характеристики из образовательной организации и заключения психолога, свидетельствующие о том, что подросток находился в кризисном состоянии из-за травмирующих семейных обстоятельств. Суд указал, что данные сведения позволяют более объективно оценить деяние и личность несовершеннолетнего, а также помогают выбрать оптимальные меры пресечения и воспитательного воздействия [29]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая кассационную жалобу по данному делу, оставила приговор без изменения, но отметила особую важность сведений, полученных при участии законного представителя, что было отражено в итоговом определении.

Анализ норм главы 50 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель намеренно выделил участие законных представителей в

самостоятельный правовой институт, отличающийся от защиты, осуществляемой профессиональным адвокатом. Суд при рассмотрении уголовного дела всегда должен учитывать позицию законного представителя, поскольку она зачастую отражает реальные жизненные обстоятельства несовершеннолетнего, которые могут иметь важное значение для принятия процессуальных решений.

Роль законного представителя не ограничивается формальным присутствием на следственных действиях и в судебном заседании. Он вправе и обязан оказывать несовершеннолетнему моральную поддержку, следить за соблюдением принципа гуманизма и уважения к личности в ходе допросов и иных процессуальных мероприятий, участвовать в определении медицинского и психологического состояния ребёнка, представлять суду и следствию значимые сведения о фактах его воспитания, проживания и обучения [30]. Практика показывает, что именно законный представитель зачастую ходатайствует о назначении дополнительных экспертиз, направленных на выявление психических и социальных особенностей ребёнка, его способности понимать характер своих поступков и руководить ими. Такое ходатайство нередко получает удовлетворение, поскольку органы предварительного расследования и суд обязаны учитывать возрастные и психологические аспекты, обусловленные тем, что речь идёт о несовершеннолетнем фигуранте дела.

Законодательство Российской Федерации также регламентирует порядок отстранения законного представителя от участия в деле, если его интересы противоречат интересам несовершеннолетнего. Такая ситуация может возникнуть, когда законный представитель умышленно препятствует установлению объективной истины или по каким-то причинам не желает эффективно защищать ребёнка. В таких случаях следователь, дознаватель или суд по собственной инициативе или по ходатайству иных участников процесса вправе исключить данное лицо из числа участников по делу и назначить нового представителя.

При этом учитываются положения статьи 50 УПК РФ, а также разъяснения, данные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Подобные случаи редки, но они свидетельствуют о том, что законный представитель не является неконтролируемой фигурой и его полномочия не могут использоваться во вред несовершеннолетнему. В качестве примера можно привести резонансное дело № 10-О21-30, которое рассматривалось в одном из районных судов Санкт-Петербурга, когда отец несовершеннолетнего обвиняемого сознательно вводил следствие в заблуждение относительно местонахождения подростка в день совершения преступления. Суд, изучив материалы дела и приняв во внимание позицию органов опеки и попечительства, признал, что поведение отца противоречит интересам ребёнка, и удовлетворил ходатайство прокурора об отстранении законного представителя.

Важным аспектом участия законных представителей является их взаимодействие с органами опеки и попечительства. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» и положения главы 50 УПК РФ указывают на то, что в случаях, когда несовершеннолетний лишён родительского попечения или, когда родители не могут по объективным причинам выполнять функции законных представителей, их обязанности переходят к соответствующему должностному лицу из органа опеки. Такая ситуация может иметь место при отсутствии родителей, их смерти, лишении родительских прав, длительной болезни, а также во всех случаях, когда вмешательство органов опеки продиктовано защитой интересов ребёнка.

Итак, законный представитель – это гарантия связи процесса с социально-правовым статусом ребенка. Участие законного представителя (родителя, усыновителя, опекуна) регулируется ст. 426, 428 УПК РФ и выполняет несколько ключевых функций.

Первое – это процессуально-правовая функция. Представитель обладает широким кругом прав: знать сущность обвинения, присутствовать при его предъявлении, участвовать в следственных и судебных действиях, заявлять

ходатайства и отводы, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства. Он действует параллельно с защитником, но с акцентом на защиту не столько от обвинения, сколько от любого ущемления законных интересов ребенка, вытекающих из семейного и гражданского права.

Второе – это психолого-социальная функция. Присутствие близкого взрослого снижает уровень тревоги и стресса у несовершеннолетнего, создавая ощущение безопасности и поддержки, что способствует большей адекватности его поведения и показаний.

Третье – это информационно-обеспечительная функция. Законный представитель является для следователя и суда основным источником информации об условиях жизни, воспитания, особенностях развития и окружения подростка, что критически важно для выполнения требований ст. 421 УПК РФ.

Наиболее острой является проблема конфликта интересов, когда представитель действует вопреки интересам ребенка (например, сам является потерпевшим или склоняет к самооговору). Механизм отстранения такого представителя и замены его специалистом органа опеки (ч. 2 ст. 428 УПК РФ) на практике применяется редко и с запозданием, оставляя несовершеннолетнего без эффективной семейно-правовой поддержки.

Судебные инстанции нередко подчёркивают, что должностные лица органов опеки обязаны реально осуществлять защиту прав и интересов подростка, активно участвовать в процессе доказывания, не ограничиваясь присутствием в суде. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 года № 57-КГ19-3 отмечено, что формальное отношение представителя органа опеки, выразившееся в непредставлении суду значимых для дела сведений о социально-бытовых условиях проживания несовершеннолетнего, отрицательно сказалось на полноте исследования материалов дела и повлекло признание недостатков в обоснованности судебного решения [1].

Правовая регламентация участия законных представителей в уголовном

процессе тесно связана с принципом обеспечения доступности правосудия и права на защиту, закреплённым в статье 48 Конституции Российской Федерации и получающим развитие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Эти нормы устанавливают, что каждый, в том числе и несовершеннолетний, вправе пользоваться помощью адвоката и иных представителей с целью защиты своих прав. Однако законный представитель отличается от адвоката (защитника) тем, что не обязан иметь юридического образования и осуществлять профессиональную деятельность в сфере права. Тем не менее он может вносить существенный вклад в формирование доказательств, ходатайствовать о проведении необходимых следственных действий, представлять документы о состоянии здоровья несовершеннолетнего, его характеристиках из образовательных учреждений, заключениях психологов и социальных педагогов. Судебная практика подтверждает, что многие оправдательные приговоры или решения о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетних основывались, в том числе, на фактах и данных, которые предоставляли именно законные представители (приговор Кировского районного суда города Казани от 11 января 2020 года по делу № 1-57/2020).

Важность роли законных представителей при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних неотделима от вопроса о защите прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Государство стремится обеспечить комплексный подход к рассмотрению дел с участием детей, учитывая не только сам факт совершения преступления, но и условия жизни, уровень развития, поведение и окружение подростка. Законный представитель должен поддерживать несовершеннолетнего, помогать ему ориентироваться в нормах права и обеспечивать его активную защиту от любого рода психологического или физического давления. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет особые правила допроса ребёнка, участия в судебных заседаниях, а также указывает на обязательное присутствие защитника и, при

необходимости, педагога или психолога. Всё это создает условия, при которых несовершеннолетний не оказывается в положении беззащитного объекта уголовного преследования.

В деле № 1-19/2019, рассмотренном Омским областным судом, подробно анализировалась роль матери подростка, обвинявшегося в совершении кражи. Мать несовершеннолетнего обвиняемого с самого начала расследования активно взаимодействовала с органами следствия, представляла документы об успеваемости ребёнка в школе, свидетельства о его положительных характеристиках со стороны учителей и соседей, а также медицинские справки, подтверждающие нервное расстройство, развившееся у подростка после развода родителей.

Данные факты имели ключевое значение при выборе меры пресечения, а впоследствии повлияли и на квалификацию действий подростка, поскольку суд учёл воздействие стрессовой ситуации. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая кассационную жалобу потерпевшего, согласился с тем, что участие матери помогло объективнее рассмотреть дело и установить обстоятельства, смягчающие вину несовершеннолетнего [21]. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2020 года по данному делу подчеркнуло, что родитель, выступающий в роли законного представителя, способствовал полноценному исследованию личности обвиняемого, что в конечном итоге позволило принять справедливое процессуальное решение.

Анализируя современные тенденции, можно отметить, что суды всё чаще придают исключительное значение показаниям, характеристикам и иным сведениям, предоставленным законными представителями. На это ориентируют и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющие вопросы судебной практики по делам несовершеннолетних. Особое внимание уделяется необходимости не только формально привлекать законных представителей, но и реально обеспечивать их активное участие на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая досудебное производство, подготовку к судебному заседанию, само судебное

разбирательство и исполнение приговора.

Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что если органы следствия не уведомили своевременно законного представителя о допросах несовершеннолетнего либо не сообщили о важных следственных действиях, то эти обстоятельства могут повлечь признание таких доказательств недопустимыми, поскольку была нарушена одна из основных гарантий защиты прав ребёнка (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2021 года № 5-У21-12).

Таким образом, законодательство Российской Федерации и судебная практика сформировали развёрнутую систему правовых норм и гарантий, обеспечивающих участие законных представителей в уголовном процессе по делам несовершеннолетних. Эта система позволяет достичь баланса между общественными интересами и интересами ребёнка, выражается в особых правилах проведения допросов, назначения и продления мер пресечения, рассмотрения дел в суде, а также в возможности судебного контроля за исполнением приговора. Судебная практика, включая конкретные определения и приговоры, подтверждает, что полноценное участие законных представителей позитивно влияет на качество уголовного процесса: помогают разобраться в истинных мотивах поведения ребёнка, его семейном окружении, возможных факторах виктимности и предотвратить повторение преступных деяний.

Обязательное привлечение педагога или психолога (ст. ст. 191, 425, 428 УПК РФ) – это наиболее яркая специфическая гарантия, отличающая ювенальное судопроизводство.

Так, специалист помогает следователю и суду выбрать адекватные методы коммуникации, адаптировать форму и содержание вопросов к возрастным и индивидуально-психологическим особенностям ребенка, исключая непонятную терминологию и снижая психологическое давление. Это прямое воплощение стандарта «эффективного участия», выработанного ЕСПЧ.

Педагог или психолог наблюдает за состоянием несовершеннолетнего, предотвращает его чрезмерное утомление, фиксирует признаки внушающего воздействия, страха или апатии. Их присутствие является сдерживающим фактором для недобросовестных тактических приемов со стороны следователя. Специалист способствует получению полных и правдивых показаний, минимизируя риски искажений, вызванных стрессом или непониманием. Его заключение (устное или письменное) о состоянии и особенностях восприятия ребенка может иметь существенное значение для оценки доказательств [19].

Основная проблема – формализация участия. Зачастую привлекается не специалист в области детской или юридической психологии, а любой доступный педагог, чье участие сводится к пассивному присутствию. Его мнение не запрашивается, не фиксируется в протоколе и не учитывается при оценке допустимости доказательств, что делает данную гарантию ритуальной.

Указанные участники должны действовать не изолированно, а в системе, взаимно дополняя друг друга. Защитник обеспечивает юридическую стратегию, законный представитель – связь с социальным контекстом, педагог/психолог – психологическую адекватность процесса. Однако на практике возникают коллизии между:

- активной позицией защитника и пассивной или конфликтной позицией законного представителя;
- необходимостью проведения допроса и отсутствием в распоряжении следствия квалифицированного детского психолога, что приводит к задержкам или проведению действий без надлежащего специалиста;
- стремлением следователя к оперативности и необходимостью согласования времени участия всех обязательных лиц.

Таким образом, триада «законный представитель – педагог – психолог» образует уникальную охранительную подсистему в рамках уголовного процесса, призванную трансформировать формальное право на защиту в реальную возможность быть услышанным и понятым. Однако действенность

этой подсистемы напрямую зависит от преодоления кадрового дефицита. Требуется не просто их формальное присутствие, а активное, квалифицированное участие, закрепленное процессуальными обязанностями и подконтрольное суду. Без этого специфическая гарантия рискует остаться лишь декларативной процессуальной фикцией, не выполняющей своей главной задачи – защиты личности несовершеннолетнего от травмирующего воздействия самого судопроизводства.

2.3 Особенности судебного разбирательства и постановления итогового решения

Судебное разбирательство как центральная стадия уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних приобретает особый качественный характер, трансформируясь из процедуры исключительно правовой оценки в процесс с выраженной воспитательной и социально-реабилитационной направленностью. Особенности данной стадии, закрепленные в главе 50 УПК РФ, пронизывают все ее элементы – от подготовительных действий до постановления и исполнения приговора – и нацелены на реализацию принципа индивидуализации и приоритета воспитательных мер над карательными.

«Судебное разбирательство по делам несовершеннолетних включает в себя первый этап - судебное следствие. Этот этап осуществляется в соответствии с обязательными положениями уголовного процесса и направлен на исследование и анализ имеющихся доказательств для установления фактических обстоятельств дела. Разбор доказательств в суде не является повторением предварительного следствия» [17].

Так, судебное разбирательство представляет собой самостоятельный процесс, основанный на анализе и оценке представленных доказательств в соответствии с установленными закономерностями.

От качества разбирательства зависит, будет ли приговор, вынесенный подростку, законным и эффективным.

Судья должен рассмотреть все представленные доказательства и составить честное и справедливое мнение о совершенном подростком правонарушении, которое является результатом совместных усилий всех участвующих сторон. Судья должен рассмотреть доказательства с трех сторон: допустимость, достаточность и достоверность.

Как отмечает В.И. Иванов, «судебные процессы по делам молодежи характеризуются следующими элементами:

- возможность проведения закрытого судебного разбирательства, если подростку нет шестнадцати лет;
- это конкретная уголовная процедура, и она недопустима, если обвиняемый признает свою вину;
- обвиняемый и его/ее адвокат должны присутствовать;
- принимая решение об освобождении несовершеннолетнего обвиняемого, суд должен также учитывать другие обстоятельства, такие как принудительные меры воспитания, помещение в специальный центр содержания несовершеннолетних, пробация и приговоры, не связанные с лишением свободы» [13].

И.С. Дикарев считает, что разбирательство в отношении этой группы лиц является особым, поскольку оно основано на дополнительных процессуальных гарантиях, касающихся прав несовершеннолетних:

- защита законных интересов несовершеннолетних позволяет минимизировать психологическое воздействие на детей;
- уголовное преследование несовершеннолетних правонарушителей должно оказывать значительное воспитательное и профилактическое воздействие на детей [12].

Необходимо отметить, статья ст. 421 УПК РФ закрепляет обстоятельства, подлежащие установлению. Так, при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному

делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются:

- возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Так, в соответствии со ст. 421 УПК РФ, в судебном следствии подлежат обязательному установлению не только обстоятельства, входящие в общий предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), но и специфические данные о личности и условиях жизни несовершеннолетнего. Это предполагает активную роль суда в исследовании характеризующих материалов, заслушивании показаний законных представителей, педагогов, сотрудников органов опеки, а также, при необходимости, назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы [9].

При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершенных несовершеннолетним, за исключением преступлений, указанных в части пятой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливается также наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение

в соответствии с частью второй статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Медицинское освидетельствование несовершеннолетнего проводится в ходе предварительного расследования на основании постановления следователя или дознавателя в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Заключение о результатах медицинского освидетельствования несовершеннолетнего представляется в суд с материалами уголовного дела [5].

Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым, выделяется в отдельное производство в порядке, установленном статьей 154 УПК РФ. Если выделение уголовного дела в отдельное производство невозможно, то к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослым, применяются правила настоящей главы.

Так, суд обязан обеспечить явку не только защитника и законного представителя, чье участие остается обязательным (ст. 428 УПК РФ), но и при необходимости – педагога или психолога. Неявка законного представителя без уважительных причин может повлечь его привод или наложение денежного взыскания (ч. 4 ст. 428 УПК РФ), поскольку его участие признается существенным для защиты интересов ребенка.

Суд вправе, а в отдельных случаях обязан, удалить подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие (ст. 429 УПК РФ). Однако после возвращения председательствующий обязан сообщить ему в необходимом объеме содержание происшедшего, предоставив возможность задавать вопросы лицам, допрошенным в его отсутствие [5].

Рассмотрим особенности судебного следствия. Так, судебное следствие как центральная часть судебного разбирательства, в ходе которой непосредственно исследуются доказательства, приобретает в производстве по делам несовершеннолетних качественно иной характер. Его особенности

направлены на преодоление противоречия между формальной состязательностью и необходимостью установления обстоятельств, выходящих за рамки события преступления, – обстоятельств, характеризующих личность подростка и среду его формирования. Эти особенности регламентированы как общими нормами УПК РФ, так и специальными предписаниями главы 50, и образуют систему адаптированной процедуры доказывания, подчиненной принципу индивидуализации и воспитательного воздействия.

В соответствии со ст. 421 УПК РФ, в судебном следствии подлежат обязательному и приоритетному установлению следующие группы обстоятельств, которые становятся объектом активного исследования судом и сторонами:

- данные о личности обвиняемого: точный возраст (число, месяц, год рождения); уровень психического развития и иные особенности личности (эмоционально-волевая сфера, ценностные ориентации, склонности); состояние здоровья;
- условия жизни и воспитания: семейная обстановка (состав семьи, характер взаимоотношений, материальное положение); условия воспитания и образования (характеристика из учебного заведения, отношение к учебе, круг общения); проведение досуга;
- влияние старших по возрасту лиц: установление факта и характера воздействия (побуждение, подстрекательство, вовлечение, негативный пример) со стороны взрослых или иных несовершеннолетних.

Этот предмет доказывания не является второстепенным, а служит эмпирической основой для решения ключевых вопросов: о степени осознания противоправности действий, об индивидуализации уголовной ответственности и, главное, о выборе между мерой наказания и принудительной мерой воспитательного воздействия.

Рассмотрим особый порядок допроса несовершеннолетних участников. Процедура допроса подсудимого, потерпевшего и свидетелей, не достигших 18 лет, регламентирована ст. 280 и 425 УПК РФ и отличается рядом существенных гарантий.

Первое – это обязательное участие педагога или психолога. При допросе подсудимого и свидетеля (потерпевшего) до 16 лет, а также достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в развитии, обязательно участие педагога или психолога. В судебном заседании специалист выполняет роль не только наблюдателя, но и активного помощника суда: с разрешения председательствующего он может задавать вопросы, а по окончании допроса – высказать свое мнение о психофизиологическом состоянии допрашиваемого и корректности ведения процедуры [11].

Второе – это ограничение времени и щадящий тактический режим. Учитывая повышенную утомляемость, суд обязан устраивать перерывы, соразмеряя продолжительность допроса с возрастом и состоянием несовершеннолетнего. Тактика допроса исключает агрессивный тон, запугивание, использование непонятной юридической терминологии, наводящие вопросы.

Третье – это последовательность и участие законного представителя. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, как правило, проводится в присутствии его законного представителя. Первым вопросы задает сторона, по инициативе которой был вызван несовершеннолетний участник. Судья контролирует процесс, пресекая вопросы, травмирующие психику ребенка.

В отличие от общего порядка, где бремя доказывания лежит на сторонах, по делам несовершеннолетних суд (председательствующий) берет на себя активную обязанность по восполнению пробелов в исследовании личности и условий жизни. Это проявляется в:

- инициативном вызове и допросе в судебное заседание представителей школы, органов опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, участкового уполномоченного полиции;
- назначении по собственной инициативе или по ходатайству стороны комплексной психолого-психиатрической экспертизы, если в материалах дела отсутствуют достаточные данные об уровне развития подростка;
- тщательном исследовании представленных характеристик, актов обследования жилищно-бытовых условий, иных документов, подтверждающих или опровергающих данные о положительной или негативной социальной среде.

При исследовании доказательств, которые могут оказать негативное психологическое воздействие (например, орудия преступления, фотографии с места происшествия, материалы, содержащие сцены насилия), суд обязан предпринимать особые меры предосторожности: ограничить их демонстрацию, удалить несовершеннолетнего из зала на время исследования, дать необходимые разъяснения в щадящей форме [14].

Таким образом, судебное следствие по делам несовершеннолетних представляет собой синтез юстициарной и социально-психологической процедуры. Его основная цель – не просто установить событие преступления, но и понять причины преступления в контексте конкретной личности и ее социального окружения. Ключевой проблемой является преодоление формального подхода к исследованию характеризующих данных, когда суд ограничивается оглашением представленных документов, не подвергая их критическому анализу и не восполняя недостающую информацию. Эффективная реализация особенностей судебного следствия требует от судьи не только процессуальных знаний, но и элементов психолого-педагогической компетенции, а также понимания того, что качество исследования личности прямо определяет законность и обоснованность итогового судебного решения

в отношении несовершеннолетнего. Без этого судебное следствие рискует остаться стандартной процедурой доказывания вины, упуская свою главную ювенальную функцию – диагностическую и воспитательную.

Итак, при допросе несовершеннолетнего подсудимого, потерпевшего и свидетеля суд обязан учитывать требования ст. 280, 425 УПК РФ: обеспечить участие педагога (психолога), ограничить время допроса, исключить излишне формальную или агрессивную манеру ведения диалога. Первым вопросы задает сторона, по инициативе которой вызван несовершеннолетний, затем другие участники и судья, что призвано минимизировать стресс [8].

Далее рассмотрим специфику судебных прений и последнего слова. В прениях сторон, помимо общих вопросов вины и наказания, обязательным элементом является обсуждение данных о личности несовершеннолетнего, условиях его жизни и воспитания, влиянии старших лиц. Сторона защиты должна быть ориентирована на обоснование возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия или иных мер, альтернативных лишению свободы. Последнее слово подсудимого также требует от суда обеспечения условий, при котором он может свободно выразить свою позицию.

Нельзя не отметить обязательность обсуждения вопроса о применении принудительных мер воспитательного воздействия. При постановлении приговора суд, признавая несовершеннолетнего виновным, обязан в совещательной комнате обсудить возможность освобождения его от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ (ст. 432 УПК РФ). Данное обсуждение должно найти отражение в приговоре вне зависимости от итогового решения.

В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, наряду с анализом доказательств, суд обязан привести мотивы решения, связанные с избранием конкретной меры уголовно-правового характера, особенно если избирается наказание, не связанное с лишением свободы, или применяются воспитательные меры. Это отражает требование

индивидуального подхода. При провозглашении приговора суд должен обеспечить, чтобы несовершеннолетний полностью и адекватно понял содержание и последствия принятого решения. В необходимых случаях судья должен дополнительно разъяснить суть приговора после его провозглашения.

УПК РФ предусматривает для несовершеннолетнего особого основания прекращения дела на стадии судебного разбирательства:

- прекращение дела судом с применением принудительных мер воспитательного воздействия (по основаниям ст. 427 УПК РФ, если дело не было прекращено на досудебной стадии);
- освобождение от наказания с применением таких же мер в соответствии со ст. 92 УК РФ, ст. 432 УПК РФ [6].

Таким образом, особенности судебного разбирательства и постановления решения по делам несовершеннолетних концентрируются вокруг двух полюсов: процессуальной адаптации, обеспечивающей справедливость и соразмерность судебной процедуры, и сущностной переориентации с карательной на воспитательную парадигму правосудия. Ключевой проблемой остается преодоление инерции традиционного уголовного процесса, когда суды, даже соблюдая формальные требования главы 50 УПК РФ (закрытость заседания, участие педагога), не проводят глубокого анализа личности и условий жизни подростка, а при назначении наказания по умолчанию следуют общим правилам, лишь незначительно смягчая его. Эффективная реализация этих особенностей требует от судей не только юридических знаний, но и основ психолого-педагогической компетентности, а также понимания восстановительных технологий ювенальной юстиции.

Глава 3 Актуальные проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации

3.1 Проблемы на стадии предварительного расследования

Стадия предварительного расследования выступает критически важным, но одновременно наиболее уязвимым с точки зрения соблюдения прав несовершеннолетнего этапом уголовного процесса.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию специальных гарантий в главе 50 УПК РФ, их практическая реализация системно сталкивается с комплексом проблем. Эти проблемы носят как правоприменительный, так и организационно-кадровый характер, и в своей совокупности приводят к формализации особого процессуального режима, нарушению принципа эффективного участия и, в конечном итоге, к существенному ограничению реальных возможностей несовершеннолетнего на защиту [7].

Первой проблемой следует выделить формализм в реализации гарантий обязательного участия защитника, законного представителя и специалиста (педагога/психолога). Наиболее острой является проблема ритуального, а не содержательного соблюдения этих ключевых норм. Особенно при защите по назначению, адвокат часто выполняет роль пассивного наблюдателя. Слабая материальная заинтересованность, отсутствие специализации в ювенальной юстиции и высокая нагрузка приводят к шаблонной защите: адвокат не инициирует сбор характеризующих материалов, не настаивает на проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы, не оспаривает сомнительные доказательства обвинения. Его участие сводится к формальному присутствию на допросах, что лишает гарантию смысла.

Второй проблемой является конфликт интересов с законным представителем и бездействие органов опеки. Ситуация, когда законный представитель (родитель) сам является потерпевшим или настроен против

несовершеннолетнего, не является исключительной. Механизм отстранения такого представителя (ч. 2 ст. 428 УПК РФ) и его замена специалистом органа опеки и попечительства на практике применяется крайне редко и с запозданием. Органы опеки зачастую не готовы оперативно включаться в уголовный процесс, оставляя подростка без действенной семейно-правовой поддержки в критический момент.

В данных отношениях есть нормативно-правовая коллизия – двойственная роль законного представителя. Закон (ст. 426, 428 УПК РФ) исходит из презумпции единства интересов ребенка и его законного представителя (родителя, опекуна). Однако в реальности эта презумпция часто не работает. Представитель – это не процессуальный «агент» ребенка, а самостоятельный субъект со своими, иногда противоположными, интересами. Типичные ситуации конфликта: например, при обвинении несовершеннолетнего в причинении телесных повреждений родителю или в краже семейного имущества. Здесь прямой процессуальный конфликт: один и тот же человек представляет интересы стороны обвинения (как потерпевший) и стороны защиты (как законный представитель обвиняемого). Это юридически абсурдно и порочно. В делах о побоях, истязаниях, психологическом насилии в семье. Представитель, который сам мог быть инициатором насилия или допускать его, физически не может защищать права ребенка против себя или других членов семьи. Родитель, действующий вопреки интересам ребенка – это может быть давление с целью дачи определенных показаний (часто – признательных), нежелание «выносить сор из избы», страх перед осуждением, просто равнодушие или враждебность к ребенку.

УПК РФ предусматривает механизм отстранения такого представителя (ч. 2 ст. 428), но он запускается слишком поздно и является неэффективным. Отстранение возможно только по определению суда или постановлению судьи, следователя, дознавателя. Однако эти лица часто не хотят «усложнять» процесс, надеясь, что родитель «образумится». Само выявление конфликта

требует от следователя и судьи психологической проницательности и активности, которой у них часто нет. Процедура применяется уже после того, как конфликт проявился и, вероятно, нанес ущерб (например, после давления на ребенка). Нет превентивного механизма проверки лояльности представителя на раннем этапе. Представителем назначается должностное лицо органа опеки и попечительства. И здесь возникает вторая часть проблемы – системное бездействие и неподготовленность органов опеки и попечительства.

Органы опеки, призванные стать нейтральным гарантом прав ребенка в такой ситуации, зачастую не справляются с этой ролью по следующим причинам:

- кадровый и ресурсный дефицит. Сотрудники опеки перегружены обширным кругом обязанностей (жилье, пособия, лишение прав, устройство в семье). У них нет специалистов, обученных тонкостям уголовного процесса, навыкам работы с подростками в стрессовой ситуации следствия и суда;
- отсутствие процедурной и процессуальной готовности. Нет внутренних регламентов, как действовать сотруднику, внезапно назначенному законным представителем в уголовное дело. У него нет доступа к методикам установления контакта с запуганным подростком, нет понимания, как использовать процессуальные права (заявлять ходатайства, знакомиться с материалами). Его участие часто сводится к формальной подписи на документах;
- ведомственная разобщенность и пассивность. Опека – орган исполнительной власти, а не часть системы юстиции. Между правоохранительными органами и опекой часто нет налаженного взаимодействия. Следователь может даже не уведомить опеку о начале дела, пока конфликт не станет явным. Опека, в свою очередь, редко проявляет инициативу по включению в уголовный процесс;

- правовая неопределенность статуса. Сотрудник опеки, выступая как законный представитель, несет личную ответственность? Как совмещать эту роль с другими обязанностями? Какова длительность такого представительства? Эти вопросы законодательно урегулированы слабо.

В результате этой коллизии несовершеннолетний оказывается в правовом вакууме:

- лишается реальной защиты в лице самого близкого взрослого;
- подвергается дополнительному давлению и манипуляциям со стороны того, кто должен его защищать;
- не получает адекватной замены в лице органа опеки, чье участие фиктивно;
- его показания могут быть получены под неправомерным влиянием и впоследствии признаны недопустимыми, что дестабилизирует всё производство.

Итак, проблема конфликта интересов законных представителей вытекает из несоответствия идеальной законодательной модели (единство интересов) сложной семейной и социальной реальности и системной неготовности государственных институтов (следствие, суд, опека) работать с этой реальностью. Решение требует не только точечных поправок в УПК, но и создания межведомственных ювенальных технологий: например, введения института независимых социальных адвокатов или кураторов случая из числа подготовленных социальных работников, которые с самого начала дела могли бы сопровождать несовершеннолетнего, выявляя конфликт и оперативно замещая недобросовестного законного представителя.

Еще одной проблемой, по нашему мнению, является «фиктивное участие» педагога или психолога. Требование ст. 425 УПК РФ о привлечении специалиста выполняется формально: в качестве педагога привлекается любой учитель, не обладающий навыками работы в уголовном процессе, а роль психолога вообще игнорируется в большинстве регионов. Такой «специалист»

не осуществляет функций адаптации процедуры, его мнение о состоянии ребенка и адекватности вопросов не фиксируется и не учитывается. Это прямо противоречит стандарту «эффективного участия», сформулированному ЕСПЧ.

Следующей проблемой следует выделить нарушения специальных процессуальных правил проведения следственных действий. Регламентированные законом изъятия часто игнорируются в угоду оперативности. Так, первое – это несоблюдение временных ограничений допроса. Правила о предельной продолжительности допроса (не более 2 часов без перерыва и 4 часов в день – ст. 425 УПК РФ) систематически нарушаются под предлогом сложности дела или нехватки времени. Второе – это психологическое давление и получение показаний с нарушением гарантий. Использование следователем приемов, основанных на страхе, запугивании, манипуляции, а также проведение допросов в ночное время или в условиях, вызывающих повышенный стресс (например, в камере временного содержания). Подростки в силу возрастных особенностей (повышенная внушаемость, стремление угодить авторитету) особенно уязвимы к такому давлению, что ведет к самооговору и получению недостоверных доказательств. Третье – это неисполнение требований о вызове через законных представителей (ст. ст. 423, 424 УПК РФ), когда несовершеннолетнего доставляют к следователю без уведомления родителей, лишая его возможности получить предварительную поддержку и совет.

Проблемы обеспечения свободы и избрания меры пресечения. Несмотря на прямой запрет ч. 2 ст. 108 УПК РФ (только в исключительных случаях, за тяжкие и особо тяжкие преступления), суды по ходатайствам следствия часто избирают эту меру, подменяя анализ «исключительности» констатацией тяжести деяния. Индивидуальные обстоятельства (наличие постоянного места жительства, семьи, положительные характеристики) игнорируются. Альтернативная мера в виде «отдачи под присмотр» (ст. 105 УПК РФ) применяется редко из-за нежелания следователей и судов искать таких лиц и

нести за них ответственность. Даже в специализированных следственных изоляторах сохраняются риски негативного влияния со стороны взрослых подследственных, недостатка образовательных и воспитательных программ, что противоречит требованиям ст. 3 ЕКПЧ и Пекинских правил.

Установление условий жизни, уровня развития и влияния старших лиц зачастую сводится к сбору стандартных, формальных характеристик из школы и от участкового. Не проводится глубокое психологическое изучение личности, не запрашиваются заключения психологов, не анализируется реальная семейная ситуация. В результате, решение о мере пресечения и дальнейшей судьбе подростка принимается на основе шаблонных, а не индивидуализированных данных.

Таким образом, стадия предварительного расследования выступает в качестве «узкого горла» в системе гарантий прав несовершеннолетних. Преобладание обвинительного уклона, ведомственной ориентированности на показатели раскрываемости, кадровый и ресурсный дефицит (отсутствие ювенальных адвокатов, психологов, социальных работников) приводят к системной эрозии специальных норм. Следствие зачастую рассматривает несовершеннолетнего не как особого субъекта, требующего охранительного подхода, а как «упрощенного» обвиняемого, в отношении которого можно пренебречь частью процедур для скорейшего завершения дела.

Это требует не только усиления судебного и прокурорского контроля за досудебным производством, но и системных изменений: введения специализации следователей и дознавателей, создания института ювенальных защитников, развития служб психолого-педагогического сопровождения на ранних стадиях процесса. Без этого декларируемые гарантии остаются на бумаге, а правосудие в отношении несовершеннолетних теряет свой восстановительный потенциал уже на старте.

3.2 Проблемы на стадии судебного разбирательства и постановлении приговора

Стадия судебного разбирательства, призванная быть кульминацией справедливого и индивидуализированного правосудия, на практике в отношении несовершеннолетних зачастую демонстрирует разрыв между декларируемыми воспитательными целями и реальным содержанием процесса. Несмотря на наличие специальной процедуры, закрепленной в главе 50 УПК РФ, суды сталкиваются с комплексом проблем, которые препятствуют полноценной реализации принципов ювенальной юстиции, снижают эффективность гарантий и ведут к формализации особого порядка судопроизводства.

Вопрос производства по делам несовершеннолетних в судебной системе Российской Федерации является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Представленные судебные решения и постановления позволяют выявить ряд проблем, которые препятствуют эффективному функционированию данного института и требуют дальнейшего совершенствования правоприменительной практики.

Требование о необходимости учета возрастных и психологических особенностей (ст. ст. 421, 425, 428 УПК РФ) зачастую сводится к соблюдению внешних формальностей: проведение заседания в закрытом режиме (ст. 241 УПК РФ) и формальное присутствие педагога. При этом содержательная адаптация – упрощение языка судебного разбирательства, разъяснение сущности процессуальных действий в доступной форме, обеспечение психологического комфорта – остается вне внимания суда. В результате несовершеннолетний, формально участвуя в процессе, не понимает его сути, что прямо противоречит правовой позиции ЕСПЧ об «эффективном участии» (дело «S.C. v. the United Kingdom»).

Одной из ключевых трудностей является учёт возрастных и психологических особенностей подростков при рассмотрении их дел.

Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года № 7 прямо указывается на необходимость учитывать эти факторы при вынесении судебного решения, на практике данное требование не всегда реализуется в полной мере [27]. Особенно заметно это становится в случаях, когда речь идёт о рецидиве преступлений.

Ключевая норма ст. 421 УПК РФ, обязывающая устанавливать условия жизни, воспитания, уровень развития и влияние старших, на практике исполняется формально. Однако это сводится к оглашению в суде стандартных характеристик из школы или от участкового без их критического анализа и проверки. Следующей проблемой следует выделить нежелание суда по собственной инициативе или по недостаточно мотивированному ходатайству защиты назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. В результате решение о мере ответственности принимается без точных данных о степени осознания противоправности действий, уровне психического развития и возможных расстройствах. Проблемой является также и игнорирование необходимости исследования семейного контекста (реальная обстановка в семье, наличие насилия, безнадзорности), что делает невозможным выявление истинных причин преступления и выбор оптимальной воспитательной меры.

Несмотря на прямое предписание закона об обязательности обсуждения вопроса о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 432 УПК РФ), суды часто следуют обвинительному уклону. В приговорах встречаются шаблонные формулировки: «применение принудительных мер воспитательного воздействия не может обеспечить его исправление», при этом не приводится конкретного анализа, почему воспитательные меры неэффективны в данном конкретном случае. Тяжесть преступления автоматически подменяет анализ личности.

Несмотря на то, что в судебной практике закреплён принцип приоритета воспитательных мер перед наказанием, в данном случае суд учёл факт рецидива и принял решение, ориентируясь на необходимость защиты

общества от дальнейших преступлений. Это демонстрирует сложность принятия судебных решений в отношении несовершеннолетних рецидивистов, поскольку судьям необходимо учитывать не только особенности их личности и обстоятельства совершённого преступления, но и возможные риски для общества в случае применения более мягких мер.

Анализ судебной практики показывает, что производство по делам несовершеннолетних в России сталкивается с рядом серьёзных проблем. Несмотря на существование законодательных норм, направленных на защиту прав подростков, их практическое применение далеко от идеала. Недостаточная квалификация судей, нарушение трудовых прав несовершеннолетних работников, дискриминация лиц с погашенной судимостью, а также сложность поиска баланса между гуманизмом и необходимостью обеспечения общественной безопасности – все эти вопросы требуют дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и нормативного регулирования.

Для достижения более справедливого и эффективного судопроизводства необходимо не только усилить контроль за соблюдением законов, но и внедрить механизмы, направленные на поддержку несовершеннолетних и их реабилитацию, что позволит минимизировать риск повторных правонарушений и повысить эффективность ювенальной юстиции в целом.

Развитие законодательства в области производства по делам несовершеннолетних должно быть направлено на устранение выявленных проблем, таких как недостаточный учёт возрастных и психологических особенностей подростков, низкая квалификация судей, нарушение трудовых прав несовершеннолетних, дискриминация лиц с погашенной судимостью и сложности в поиске баланса между гуманизмом и общественной безопасностью. Для решения первой проблемы необходимо закрепить в УПК РФ обязательное проведение комплексной психолого-социальной экспертизы личности несовершеннолетнего на стадии досудебного производства.

Предлагается внести новую статью 421.1 УПК РФ, в которой должно быть определено, что при возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего проводится обязательное исследование его личности с участием психологов, педагогов и социальных работников. Такое исследование должно включать анализ семейного окружения подростка, уровня его психоэмоционального развития и способности осознавать характер своих действий. Суду в обязательном порядке должен быть предоставлен подробный отчёт с рекомендациями относительно наиболее эффективных мер воздействия на несовершеннолетнего.

Повышение уровня квалификации судей, рассматривающих дела несовершеннолетних, требует внесения изменений в закон «О статусе судей в Российской Федерации». В статью 5 этого закона необходимо добавить пункт, в котором будет указано, что судьи, специализирующиеся на рассмотрении дел несовершеннолетних, обязаны проходить дополнительное обучение и сертификацию не реже одного раза в пять лет.

Также следует ввести требование о наличии у таких судей опыта работы в области семейного или образовательного права, а также обязательного прохождения курсов повышения квалификации, ориентированных на изучение психологии подросткового возраста и ювенальной юстиции.

Институты прекращения дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. ст. 427, 432 УПК РФ) используются недостаточно. Суды требуют полного заглаживания вреда, что не всегда возможно, и скептически относятся к программам медиации и социального сопровождения, видя в них «не процессуальные» и «ненадежные» механизмы. Конфликт интересов, возникший на стадии следствия, часто переходит в судебную стадию. Суд, стремясь избежать усложнения процедуры, редко применяет ч. 2 ст. 428 УПК РФ об отстранении такого представителя. В результате несовершеннолетний лишается значимой поддержки в суде, а его законный представитель может оказывать на него скрытое давление прямо в зале суда. Рассмотрение дел

несовершеннолетних требует не только знания закона, но и основ детской психологии, педагогики, понимания социологии девиантного поведения.

Развитие института ювенальной юстиции требует изменения принципов назначения наказания несовершеннолетним преступникам. В УК РФ необходимо внести поправки в статью 88, установив, что при рассмотрении вопроса о назначении наказания суд обязан в первую очередь оценивать возможность применения альтернативных мер исправительного воздействия. В качестве таких мер могут быть использованы обязательные реабилитационные программы, психологическая поддержка и включение подростка в образовательные или трудовые проекты. Закрепление в законе принципа «реабилитация прежде наказания» позволит снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних и повысить их шансы на успешную социальную адаптацию.

Таким образом, проблемы судебного разбирательства по делам несовершеннолетних носят системный и мировоззренческий характер. Они проистекают из доминирования традиционной карательной парадигмы над восстановительно-воспитательной, заложенной в международных стандартах и национальном законе. Суды, будучи перегруженными и ориентированными на формальные показатели, зачастую не готовы тратить время и ресурсы на глубокое исследование личности, организацию адаптированной процедуры и поиск индивидуализированных, воспитательных решений. Для преодоления этих проблем необходима не только судебная реформа, предусматривающая создание специализированных составов или судов по делам несовершеннолетних, но и изменение профессионального сознания судебского корпуса, а также развитие инфраструктуры (службы психолого-педагогического сопровождения, социальные службы при судах), позволяющей реализовать гуманные нормы закона на практике.

Заключение

Проведенное исследование производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд выводов теоретического и практического характера, подтверждающих актуальность темы и обозначающих пути совершенствования данного правового института. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних имеет определенные особенности, установленные УПК РФ, который предусматривает ряд специфических особенностей, гарантирующих защиту прав несовершеннолетних на основе определенных принципов международного права.

В ходе работы установлено, что современное российское законодательство, основанное на имплементации общепризнанных международных стандартов (Конвенция о правах ребенка, Пекинские правила, практика ЕСПЧ), сформировало в целом прогрессивную и гуманную нормативную модель ювенального судопроизводства. Ее стержнем является особый процессуальный режим, закрепленный в главе 50 УПК РФ, который через систему специальных норм призван обеспечить приоритет охранительно-воспитательных целей над карательными.

Ключевыми элементами этой модели являются:

- расширенный предмет доказывания (ст. 421 УПК РФ), ориентирующий правоприменителя на всестороннее изучение личности, условий жизни и причин противоправного поведения несовершеннолетнего;
- система императивных процессуальных гарантий, включающая обязательное участие защитника с момента задержания, законного представителя, а также педагога или психолога в следственных и судебных действиях;

- ограничительный режим применения мер процессуального принуждения, в особенности заключения под стражу;
- специальные виды окончания производства, нацеленные на девиктимизацию и применение мер воспитательного воздействия, альтернативных уголовному наказанию (ст. 427, 432 УПК РФ).

Однако, как показал анализ, существует глубокий разрыв между законодательными предписаниями и правоприменительной практикой. Нормативная модель сталкивается с системными проблемами, которые снижают ее эффективность и препятствуют реализации принципов ювенальной юстиции.

На стадии предварительного расследования ключевыми проблемами являются:

- формализм в реализации гарантий, участие защитника часто носит номинальный характер, а привлечение педагога/психолога превращается в ритуал, не обеспечивающий адаптацию процедуры;
- конфликт интересов с законным представителем и неэффективность механизма его разрешения, ведущий к правовой незащищенности подростка;
- широкое и необоснованное применение заключения под стражей вопреки принципу его исключительности;
- поверхностное выполнение требований об установлении данных о личности и условиях жизни.

На стадии судебного разбирательства и постановления приговора выявлены следующие дисфункции:

- отсутствие реальной адаптации судебной процедуры, что нарушает право несовершеннолетнего на эффективное участие;
- шаблонный и консервативный подход судов к назначению наказания, при котором тяжесть преступления подменяет глубокий анализ личности, а возможность применения воспитательных мер игнорируется или отклоняется без достаточной мотивировки;

- отсутствие специализации судей по делам несовершеннолетних, что порождает непоследовательную практику и нехватку необходимых психолого-педагогических компетенций.

Для преодоления выявленных противоречий и формирования подлинно эффективной системы правосудия, ориентированной на ребенка, необходимы комплексные меры по совершенствованию как законодательства, так и правоприменения.

В сфере законодательного регулирования:

- детализировать в УПК РФ процедуру выявления и разрешения конфликта интересов с законным представителем, предусмотрев его обязательную проверку на раннем этапе и ускоренный порядок замены на нейтрального представителя органа опеки или специально назначенного социального работника;
- закрепить обязанность следователя и суда фиксировать в протоколе мнение педагога/психолога об адекватности вопросов и психофизиологическом состоянии несовершеннолетнего, придав этому заключению статус источника информации для оценки допустимости и достоверности доказательств;
- внести изменения в ст. 432 УПК РФ, усилив требования к мотивировке судом отказа в применении принудительных мер воспитательного воздействия, обязав суд давать оценку всем собранным характеризующим данным и конкретным программам сопровождения.

В организационно-правовой и кадровой сфере:

- создать институт специализированных ювенальных защитников (адвокатов), прошедших специальную подготовку и включенных в отдельный реестр. Обеспечить адекватное финансирование их работы как по назначению, так и в рамках государственного задания;
- ввести специализацию судей и следователей по делам несовершеннолетних, предусмотрев их обязательное

дополнительное образование в области детской и юридической психологии, подростковой социологии и восстановительных технологий;

- развивать инфраструктуру социально-психологического сопровождения при следственных органах и судах, например создать сеть служб, укомплектованных квалифицированными психологами и социальными работниками, которые могли бы оперативно подключаться к производству с момента задержания несовершеннолетнего;
- активно внедрять и закрепить на законодательном уровне восстановительные технологии (медиацию, семейные конференции), сделав их обязательным элементом досудебного и судебного производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

В итоге, производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в России нуждается не в коренном пересмотре, а в качественной «достройке» и «настройке». Целью должно стать наполнение существующей прогрессивной нормативной модели реальным, а не декларативным содержанием. Это возможно только при условии перехода от формального соблюдения специальных норм к созданию целостной межведомственной системы ювенальной юстиции, где правовые гарантии будут подкреплены кадровыми, организационными и ресурсными механизмами, а приоритет воспитания и ресоциализации ребенка станет не лозунгом, а практическим руководством к действию для каждого участника процесса.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аванесян А.Г. Правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних. М. : Юрлитинформ, 2021. 632 с.
2. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. Изд. пятое, испр. и доп. М., 2022. 289 с.
3. Бастрыкин А.И. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних. – СПб.: Издательство РАН, 2020. 257 с
4. Беляева Л.И. Правосудие в отношении несовершеннолетнего: вопросы и ответы. М., 2019. 134 с.
5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 608 с.
6. Божьев В.П. Уголовный процесс : учебник для вузов / В.П. Божьев. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. 574 с.
7. Бородинова Т.Г., Шаталов А.С. Уголовный процесс: Учебник для бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. 720 с.
8. Глушков А. И., Головкин Н. В. Процессуальные и тактические проблемы допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Российский следователь. 2015. № 3. С. 12–15.
9. Гриненко А.В. Уголовный процесс России: Учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2021. 496 с.
10. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учебное пособие / Н.А. Громов. – М. : Юристъ, 1998. 552 с.
11. Дело № 33-13173/2022 от 20.07.2022 - Ростовский областной суд [Электронный ресурс]. – URL: <https://oblsud.ros.sudrf.ru/> (Дата обращения 10.08.2025).
12. Дикарев И.С. Принцип правовой определённости и законная сила судебных решений в уголовном процессе. М., 2020. 324 с.

13. Иванов В.А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних в современной России // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 43–57.
14. Игошев К.Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего. М., 2022. 321 с.
15. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Российское право. 1990. 21 января.
16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп.) // Российская газета. 2020. № 144.
17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г.И. Загорского. - М. : Проспект, 2016. 1216 с.
18. Левин С.М. Права несовершеннолетних в уголовном процессе. – СПб.: Юридический мир, 2021. 312 с.
19. Макаренко И.А. Проблемы участия третьих лиц в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. М., 2015. 321 с.
20. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/1305342/> (Дата обращения 10.08.2025).
21. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие. Москва, 2020. 272 с.
22. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 2019. 201 с.
23. Назаренко В.В. Ювенальная юстиция: международный опыт и российские реалии. М. : Юстицинформ, 2020. 331 с.

24. Никандров В.И. Участие родителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе // Государство и право. 2020. № 8. С. 101-102.

25. Орлов Ю.В. Роль социальных служб в системе ювенального правосудия. Казань : Университетское издательство, 2021. 398 с.

26. Петрова О.М. Особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых и потерпевших // Вестник юридических наук. 2022. № 3. С. 15-29.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (Дата обращения 10.08.2025).

28. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 29 февраля. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015.

29. Решение № 2-416/2021 2-416/2021~М-322/2021 М-322/2021 от 16 июля 2021 г. по делу № 2-416/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/REy5Rfc0NyY2> (Дата обращения 10.08.2025).

30. Семьянова И.С. Проблемы совершенствования расследования преступлений несовершеннолетних (организационно-правовой аспект): Дис. канд. юрид. наук. Омск, 2023. 132 с.

31. Сероштан В.В. Тенденции совершенствования законодательства в области обеспечения прав в уголовном процессе несовершеннолетних лиц // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2. С. 5-13.

32. Сидорова Е.В. Международные стандарты защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Право и государство. 2023. № 6. С. 77-91.

33. Сурменева С.В. Участие педагога в стадии предварительного расследования: автореф. дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. 156 с.

34. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. СПб. : Издательство юридической литературы, 2019. 432 с.

35. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

36. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

37. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. Б.Я. Гаврилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2023. 608 с.

38. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. А.В. Гриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2022. 512 с.

39. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. 1024 с.

40. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 10.08.2025).

41. Филонов Л.Б. Особенности судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних. М., 2019. 363 с.